

Вичард
БАХ

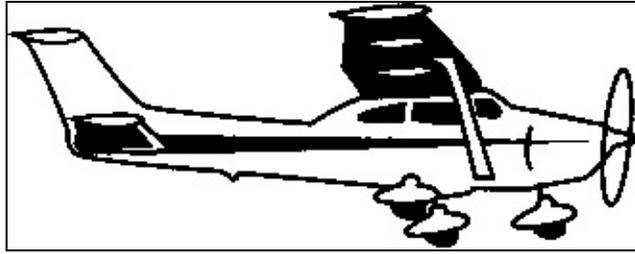
ГИГНОЗ ДЛЯ МАРИИ

Летный инструктор Джейми Форбс по радиации помогает посадить самолет женщине, чей супруг-пилот потерял сознание прямо за штурвалом. Для Джейми в этом нет ничего героического: на то и существуют инструкторы, чтобы помогать начинающим летчикам. Но вскоре Мария сообщает репортерам, что в ее самолете откуда-то взялся незнакомый человек, который загипнотизировал ее и вел до самой посадки. А потом Джейми встречает своего собственного незнакомца-наставника и начинает понимать Главный Секрет: каждый из нас шаг за шагом создает то, что нам кажется «плотным» окружающим миром. Самые интересные секреты – те, ключ к которым у нас под носом. Самые потрясающие моменты жизни – когда мы внезапно осознаем то, что всегда знали...

Ричард Бах

Гипноз для Марии

Глава первая

Джейми Форбс водил самолеты. Ничем другим существенным он не занимался с тех пор, как бросил учебу в колледже и получил лицензию пилота. Он любил все, что имело крылья.

Летал на истребителях ВВС, но докучала политика, дополнительные обязанности и чудовищная нехватка летного времени. Как только представилась возможность, ушел со службы.

На пассажирские авиалинии его не взяли. Раз попробовал устроиться, но вопросы на экзамене для пилотов его подкосили.

1. Если бы вам пришлось выбрать, кем бы вы хотели быть: деревом или камнем?

2. Какой цвет лучше, красный или синий?

На это он отвечать не стал, поскольку вопросы не имели отношения к полетам.

3. Важны ли детали?

– Конечно, не важны, – сказал он. – Важно всякий раз приземляться целым и невредимым.

Какая разница, начищены у вас ботинки или нет?

Он понял, что ответ неправильный, когда экзаменатор посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– А для нас важны.

Но авиация не сводится к истребителям и реактивным самолетам.

Есть чартеры, и бизнес-рейсы, и полеты на съемках фильмов.

Есть опыление полей, и авиашоу, и патрулирование трубопроводов.

Есть аэрофотосъемка, воздушная акробатика, перегон самолетов, буксировка планеров и рекламных баннеров.

Есть выброска парашютистов, съемки сюжетов для теленовостей, авиагонки, воздушное наблюдение за дорожным движением, полицейские миссии, летные испытания, фрахт и авиатрюки на раритетных бипланах перед публикой в сельской глуши.

Ну и, конечно, преподавание. Всегда найдутся парни, которым, как и ему самому, суждено связать свою судьбу с полетом... а летчики-инструкторы нужны всегда.

В своей жизни он все это перепробовал. В последние годы стал летчиком-инструктором – и неплохим, если верить поговорке о том, что, хорош инструктор или плох, можно судить по цвету его волос.

Не то чтобы он считал себя таким уж асом или ему больше нечему было учиться самому. Просто за время, прошедшее с первого самостоятельного полета, у него накопилось почти двенадцать тысяч летных часов. Не то чтобы чересчур много, но и не мало. Достаточно, чтобы Джейми Форбс научился профессиональной скромности.

Но в душе он так и остался ребенком, которому не терпится полетать на всем, до чего он только мог дотянуться.

И все бы так и шло и никому бы не было до этого дела, если бы не события сентября прошлого года.

То, что случилось тогда, кого-то, возможно, оставит равнодушным, а для кого-то станет поворотным пунктом в их жизни.

Глава вторая

Тогда он подумал, что это совпадение.

Джейми Форбс, летчик-инструктор, летел на своем *Бич Т-34* из штата Вашингтон во Флориду, из зимы в лето, держа курс на юго-восток на протяжении шестнадцати летных часов, по четыре часа на каждый перелет.

Бич, если кто не знает, – это первый самолет, который ВВС много лет назад доверили летно-тренировочным центрам для тренировок: одномоторный низкоплан с тянущим винтом, двухместная тандемная кабина^[1] и двести двадцать пять лошадиных сил. Кабина точь-в-точь как на истребителе, чтобы облегчить для новобранцев переход от обучения к управлению боевой машиной.

Разве мог он тогда представить, занимаясь строевой и теоретической подготовкой, зубря инструкции, азбуку Морзе и законы аэродинамики, что много лет спустя сам станет владельцем такого самолета и будет кайфовать от него, как это бывает с гражданскими, когда им удается заполучить настоящую военную машину.

Его *Т-34*, к примеру, имел уже трехсотсильный мотор «Континентал», трехлопастный винт, приборную панель с навигационным оборудованием, которое еще было не изобретено, когда самолет был новеньким, небесно-голубую военную камуфляжную окраску, восстановленную маркировку ВВС на фюзеляже.

Хорошо спроектированный самолет, просто игрушка в воздухе.

Он вылетел один поутру из Сиэтла в Твин-Фолс, штат Айдахо.

Оттуда в полдень взлет и через Огден и Рок-Спрингс к Норд-Платт, штат Небраска.

Это случилось через час после Норд-Платт, двадцатью минутами севернее Шайенна.

– *Господи, неужели он умер?!*

Женский голос по радио.

– Кто-нибудь меня слышит? *Мне кажется, мой муж умер!*

Она говорила на частоте 122,8 мегагерц, связь Юником, типичная для небольших аэродромов, голос громкий, без помех, – должно быть, она где-то поблизости.

Никто не ответил.

– Вы можете это сделать, мистер Форбс.

Спокойный, невозмутимый, с легким южным акцентом, незабываемый голос.

– *Мистер Дестер?* – Джейми как громом пораженный. Его летный инструктор из прошлого сорокалетней давности – голос, который он никогда не забудет.

Он бросил взгляд в зеркало. Естественно, сзади было пусто.

Тишина, только рокот движка впереди, громкий и ровный.

– *Бог мой, кто-нибудь, помогите, он мертв!*

Он нажал кнопку связи.

– Может, и так, мэм, – сказал ей Джейми Форбс, – а может, нет. *Вы можете управлять самолетом без него.*

– *Я не могу. Я не умею!* Хуан привалился к дверце и не шевелится!

– Нам лучше доставить его на землю, – сказал он, употребив местоимение «мы», предугадывая ее следующие слова.

– *Я не умею управлять самолетом!*

– Хорошо, – сказал он, – тогда вы и я доставим его на землю вместе.

Такое случается раз в сто лет, пассажиру приходится управлять самолетом, когда пилот на это не способен. Им еще очень повезло, что день сегодня выдался чудесный для полетов.

– Мэм, вы знаете, как работают рычаги управления? – спросил он. – Как двигать штурвалом и держать крылья по горизонту?

– Да.

Уже легче.

– Тогда пока давайте просто держать их, чтобы не было крена.

Он спросил, когда и где они взлетели и куда направлялись, повернул прямо на восток и вскоре, буквально через минуту, увидел *Сессну-182*^[2] ниже на десять часов, немного спереди по левому крылу *T-34*.

– Давайте теперь возьмем слегка вправо, – сказал он. – Мы вас видим.

Если самолет не повернет, он совсем потеряет ее из виду, но он рискнул и выиграл. Крылья *Сессны* накренились.

Он нырнул вниз, вписавшись в этот крен, и полетел рядом, держась на расстоянии пятидесяти футов.

– Если вы сейчас посмотрите направо... – сказал он.

Она посмотрела, он помахал ей рукой.

– Теперь все будет хорошо, – сказал он. – Доставим вас до аэропорта и посадим на землю.

– *Я не знаю, как летать!* – и крылья еще сильнее накренились в его сторону.

Он повторил ее движение, и самолеты сделали поворот одновременно.

– Ничего страшного, мэм, – сказал он. – Я инструктор по полетам.

– Слава Богу, – сказала она, и ее самолет снова дал глубокий крен.

– Вы должны повернуть штурвал влево, – сказал он. – Не слишком сильно, но твердо и плавно поверните его влево. Это вернет вас к горизонтальному полету.

Она посмотрела вперед, повернула штурвал, и крылья *Сессны* выровнялись.

– Отличная работа, – сказал он. – Вы уверены, что не водили самолет раньше?

Ее голос звучал спокойнее.

– Наблюдала, как это делал Хуан.

– Хорошо, вы многое помните.

Оказалось, она знает, где находится сектор газа и педали руля направления. С его помощью она поворачивала самолет влево до тех пор, пока они не взяли курс обратно на аэропорт Шайенна.

– Как вас зовут, мэм?

– Мне страшно, – сказала она. – *Я не справлюсь!*

– Не морочьте мне голову. Вы управляете самолетом уже пять минут и делаете это отлично. Расслабьтесь, не волнуйтесь и представьте, что вы командир авиалайнера.

– Представить... что?

Она слышала, что я сказал, но не верила своим ушам.

– Не думайте ни о чем, кроме того, что вы командир авиалайнера, единственная женщина-командир на этой авиалинии, и летаете уже много-много лет. Вы чувствуете себя за штурвалом совершенно уверенно, вы довольны и счастливы. Посадить маленькую *Сессну* в такой погожий денек, как сегодня?

Раз плюнуть, как кусок торта съесть!

Этот парень чокнутый, подумала она, но ведь он инструктор.

– Раз плюнуть, – повторила она.

– Совершенно верно. А какой ваш любимый торт?

Она посмотрела на него через правое окно *Сессны*, на лице непонимающая улыбка, страх сменился недоумением – я на краю гибели, а он спрашивает меня про *торт*. Судьба послала мне чокнутого спасателя?

– Морковный, – сказала она.

Он улыбнулся в ответ. Хорошо. Она знает, что я чокнутый, придется ей оставаться в здравом уме, а это значит, не терять самообладания.

– Как съесть кусок морковного торта.

– Меня зовут Мария.

Будто рассчитывала, что это вправит мне мозги.

Показался шайеннский аэропорт, полоска на горизонте. Расстояние пятнадцать миль, семь минут лету. Он выбрал Шайенн, так как там длинные взлетно-посадочные полосы и наличие медицинской службы, хотя были маленькие аэродромы и поближе.

– Слушайте, Мария, почему бы вам теперь не попытаться надавить ручку газа? Вы услышите движок, звук станет громче, вам это должно быть знакомо, и самолет начнет набирать высоту, постепенно. Нажмите до упора, и мы потренируемся набирать высоту.

Он хотел научить ее набирать высоту – естественно, на тот случай, если она будет лететь слишком низко при заходе на посадку. Он хотел, чтобы она знала: в небе она в безопасности и что, дав газ, она сможет набрать высоту, когда захочет.

– Отлично, командир, – сказал он. – Вы прирожденный пилот.

Затем пошло другое упражнение: ручка газа на себя, нос опускается ниже горизонта. Они снижались вместе с эшелона на эшелон.

Женщина, летевшая рядом, глянула на него из своего самолета.

Машины едва не касались друг друга в воздухе, но, что бы он ни делал, вести за нее самолет он не мог. В его распоряжении были лишь слова.

– Почти дома, – сказал он. – Мария, вы просто потрясающе управляете самолетом. Сейчас немного разверните Сессну на меня, секунд на десять, затем верните в горизонталь.

Она нажала на кнопку связи, но ничего не сказала. Самолет накренился вправо.

– Все отлично. Я вызову диспетчерскую по другой волне, но не волнуйтесь – вас тоже буду слышать. Как захочется что-нибудь сказать, так сразу говорите. О'кей?

Она кивнула.

Форбс щелкнул тумблером, переключился на частоту диспетчерского пункта Шайенна.

– Привет, Шайенн, это Сессна 5407 Янки.

Ее номер значился на фюзеляже. Сообщать им свой не было необходимости.

– Роджер ноль семь Янки. Левый круг, полоса номер девять.

– Ноль семь Янки, полет парой, заходим на посадку в восьми милях севернее.

– Роджер ноль семь Янки. Заходите слева по ветру на девятую полосу.

– Принято, – сказал он. Что означало: принято к исполнению.

– Да, ноль семь Янки – это Сессна-182, пилот без сознания. Самолетом управляет пассажир. Я лечу рядом и помогаю ей.

Молчание.

– Повторите, ноль семь Янки. Что, вы сказали, с пилотом?

– Пилот без сознания. Управляет самолетом пассажирка.

– Роджер, можете заходить на любую полосу. Вы объявляете чрезвычайную ситуацию?

– Нет. Мы зайдем на девятую. Она справляется, но не помешает подогнать «скорую» для пилота и пожарную машину. Только пусть во время приземления они держатся за самолетом, о'кей? Чтобы едущие рядом машины не отвлекали ее во время посадки.

– Выполняю. Роджер, мы подгоним машины, и они поедут позади самолета. Внимание! Всем экипажам зоны Шайенна: освободите трафик! Аварийная ситуация!

– Башня, она на общей связи, два-два-восемь. Я говорю с ней на этой частоте, но слышу и вас.

– Роджер ноль семь Янки. Удачи.

– Все будет в порядке. Она справляется.

Он снова переключился на частоту Юником.

– Мария, посадочная полоса слева от вас, – сказал он. – Мы заложим большой плавный поворот, чтобы стать с ней в линию. Не торопясь, спокойно, мягко. Для вас это просто.

Они сделали широкий заход на посадку, медленно выполняя плавные повороты, инструктор оставался с ней постоянно на связи.

– Почти на месте. Ручку газа на себя, дайте носу опуститься, как мы уже делали. Так, так, мягкий уход вниз. Самолеты это любят.

Она кивнула. Раз этот парень болтает о том, что самолеты что-то там, оказывается, любят, может, все, что мы делаем, вовсе не так уж опасно.

– Если нам не понравится этот заход, – сказал он, – спокойно наберем высоту и пойдем на следующий. Мы можем набирать высоту и заходить на посадку хоть весь день, если захотим. Хотя и этот заход совсем не плох. Вы умница.

Он не стал спрашивать, сколько у нее осталось топлива.

Оба самолета плавно развернулись влево для окончательного захода, впереди ровной линией вытянулась широкая взлетно-посадочная полоса, две мили бетона.

– А теперь мы с вами очень мягко коснемся земли, вот эта белая линия в центре взлетно-посадочной полосы должна быть ровно между колесами. Неплохо, командир. Немного газу, ручку чуть вперед, на полдьюйма...

Сейчас она точно выполняла команды и была спокойна.

– Потяните рычаг немного на себя. Кстати, вы потрясающий пилот. Очень плавно работаете с рычагами...

У самой земли он сместился от ее крыла на несколько футов в сторону.

– Продолжайте в том же духе, держитесь строго этой центральной линии... вот так, очень хорошо. Расслабьтесь, расслабьтесь... пошевелите пальцами ног. Вы ведете самолет как настоящий ас. Ручку на себя... Штурвал назад немного... Он пойдет туго, но так должно быть... прекрасно... замечательно, нас ожидает фантастически мягкая посадка.

Четыре фута от шасси до полосы... три фута.

– Держите нос как есть, теперь ручку назад, назад, назад... на себя до упора, до самого упора...

Колеса коснулись полосы, голубой дымок от резиновых шин.

– Идеальное касание, – сказал он, – идеальная посадка. Можете отпустить теперь штурвал, на земле он вам не понадобится. Управляйте самолетом ножными педалями, пока он просто не остановится на полосе. Сейчас прибудет «скорая».

Он нажал на свой рычаг тяги, и *T-34* пронесся мимо, набирая высоту.

– Отличная посадка, – сказал он. – Вы чертовски хороший пилот.

Она ничего не ответила.

Боковым зрением он видел, как внизу по взлетно-посадочной полосе за ее самолетом на полном ходу мчится машина «скорой помощи». Она сбавляла скорость по мере того, как замедлял движение самолет, потом остановилась, и дверцы распахнулись. Ненужная пожарная машина, квадратная и красная, катилась позади.

Поскольку у диспетчеров на башне сейчас явно прибавилось работы, Джейми больше не стал ничего говорить в эфир, и через минуту его *T-34* исчез из виду в направлении Норд-Платт.

Глава третья

На следующее утро на доске объявлений аэропорта Ли Берд в Норд-Платт он увидел газетную заметку: «Пилот теряет сознание, самолет сажает жена».

Джейми Форбс поморщился. «Жена» означает то же самое, что «не-пилот». Он подумал, еще не скоро придет время, когда люди поймут: есть много женщин с лицензиями пилотов и с каждым днем их становится все больше.

Впрочем, не считая заголовка, репортер довольно точно передал, как все произошло. Когда ее муж потерял сознание в воздухе, Мария Очоа, шестидесяти трех лет, подумала, что он умер, испугалась, позвала на помощь и т. д.

Потом прочитал следующее: «Я бы никогда сама не сумела приземлиться, если бы мужчина в другом самолете не сказал, что я смогу. Клянусь Богом, он меня загипнотизировал, прямо в воздухе. „Представьте, что вы пилот авиалайнера“. Я и представила, потому что не умею управлять самолетом. А когда пришла в себя, была уже на земле, в полной безопасности!»

В статье говорилось, что у ее мужа случился инсульт и что он поправится.

Ролевая игра в командира экипажа лайнера сработала и на сей раз, как всегда с его учениками.

Его озадачило другое.

Он ее загипнотизировал?

Он шел завтракать в аэропортовское кафе и размышлял о гипнозе, вспоминая события тридцатилетней давности, будто это было вчера.

Глава четвертая

Он сел у прохода в первом ряду, надеясь, что, когда Великий Блэксмит вызовет добровольцев из зала, ему повезет.

Было здорово, когда ближе к концу представления его все же пригласили на сцену, хотя он сомневался, что поддается гипнозу и что его выберут. К нему присоединились двое других, мужчина и женщина.

Блэксмит, гипнотизер, облаченный в официальный смокинг с белым галстуком, но с доброжелательным голосом и мягкими манерами, попросил троих добровольцев встать лицом к залу, что они и сделали. Джейми Форбс был крайним и стоял ближе к середине сцены.

Гипнотизер встал за спинами добровольцев, легонько толкнул женщину в плечо, чтобы та потеряла равновесие. Она непроизвольно отшагнула назад, чтобы его восстановить.

Он продел то же самое со следующим, и мужчина тоже шагнул назад.

Форбс пообещал себе, что не сделает этого. Когда его коснулась рука гипнотизера, он напрягся и качнулся назад, полагая: тот не даст добровольцу упасть на сцене, чтобы не испортить шоу.

Блэксмит тотчас подхватил его и, поблагодарив других вызвавшихся, отпустил их под аплодисменты публики.

Все зашло слишком далеко.

– Простите, – прошептал он, когда аплодисменты стихли, – но я не поддаюсь гипнозу.

– Правда? – мягко произнес шоумен. – *Что же вы тогда делаете на этой планете?*

Гипнотизер выдержал паузу, молча улыбаясь Джейми Форбсу. Зрители начали тихо посмеиваться – что же будет с этим несчастным?

Тут уже Джейми пожалел Великого Блэксмита, решив не уходить со сцены, а подыграть ему. Ведь он предупредил гипнотизера, но зачем же ставить его в неловкое положение перед тысячей зрителей, которые купили билеты?

– Как вас зовут, сэр? – спросил гипнотизер громким голосом.

– Джейми.

– Джейми, мы встречались раньше? – спросил он. – Мы были знакомы до сегодняшнего вечера?

– Нет, сэр.

– Правильно.

– А теперь, Джейми, – сказал он, – давай отправимся вместе на воображаемую прогулку. Видишь семь ступеней впереди, мы вместе спустимся по этим ступеням. Мы будем вместе спускаться; все ниже, ниже... *глубже, глубже...*

До этого Джейми Форбс никаких ступеней не видел. Похоже, они были сделаны из пластика или бальзового дерева и выкрашены под камень, и он спускался по ним вместе с гипнотизером, ступенька за ступенькой. Он подумал: что же увидят зрители, пришедшие на шоу, когда доброволец окажется практически под сценой, но пришел к заключению, что это проблема не его, а Блэксмита. Должно быть, здесь есть какие-нибудь устройства с зеркалами.

Ступени заканчивались у массивной деревянной двери. Блэксмит пригласил его пройти внутрь, а когда он это сделал, закрыл ее за ним снаружи. Его голос был отчетливо слышен сквозь стены. Гипнотизер описывал зрителям, что Джейми видит перед собой пустую каменную комнату, без дверей, без окон, хотя полную света.

Комната была не квадратной, а круглой, и когда он обернулся, чтобы посмотреть, откуда он вошел, дверь исчезла. Наверное, выкрашена под камень и теперь слилась со стенами.

Выглядит как камень, напомнил он себе. Крашенная ткань, на которой изображены гранитные блоки разного размера, как в средневековой башне.

– Осмотрись вокруг, Джейми, – донесся снаружи голос Блэксмита, – и расскажи нам, что ты видишь.

Он решил не говорить о своей догадке насчет ткани.

– Похоже на каменную комнату, – сказал он, – внутри башни замка. Без окон. Без дверей.

– Ты уверен, что это камень? – прозвучал голос гипнотизера.

Не дави на меня, подумал он. Не рассчитывай, что стану лгать ради тебя.

– Выглядит как камень. Не уверен.

– А ты проверь.

«Что ж, как знаете, мистер Блэксмит. Это ваша репутация, не моя», – подумал он.

И Форбс коснулся стены. Твердая, шершавая, недвижимая. Слегка надавил. Не поддалась.

– Похоже, камень.

– Я хочу, чтобы ты убедился, Джейми. Положи руки на стену и толкай изо всех сил. Чем сильнее ты нажимаешь, тем тверже она становится.

Надо же сказать такую глупость. Если я нажму изо всех сил, мало не покажется, подумал он, тогда будешь собирать свои крашенные деревяшки по всей сцене. Он нажал сначала легонько, потом посильнее, потом еще сильнее. Стена и вправду была прочной. Больше похоже на волшебство, а не на игру воображения. И как это Блэксмит умудрился построить каменную комнату под сценой, да еще и возит ее из одного театра в другой?

Он стал искать замаскированную дверь, но повсюду был один камень. Он прижимался к стене, бил по ней ногой то тут, то там, обошел всю комнату по периметру – не более десяти футов в диаметре, – пытаясь продавить гранитную стену, пинал ее ногами с такой силой, что если бы она была сделана из пластика или бальзового дерева, то в ней давно бы образовались вмятины.

Ему стало страшно, но не очень, так как он знал, что Блэксмиту придется его освободить рано или поздно.

– Джейми, выход есть, – сказал шоумен. – Скажешь нам какой?

Можно было бы вскарабкаться вверх, подумал он, если бы расстояние между камнями было пошире. Посмотрел вверх и увидел, что потолок сделан из того же материала, мрачных тяжелых каменных блоков. В одном месте на стене был обожженный почерневший участок, будто там располагался факел для освещения. Теперь ни факела, ни подставки, в которую он был когда-то воткнут, не было.

– Мне по ней не взобраться, – сказал он.

– Ты говоришь, что не можешь вскарабкаться на стену, – сказал Блэксмит громко и театрально. – А ты пробовал, Джейми?

Он воспринял сказанное как намек, что в стене могут быть незаметные глазу опоры.

Как бы не так.

Он встал на край первого ряда камней, и нога тотчас соскользнула.

– На нее не взберешься, – сказал он.

– А под стеной можно пробраться, Джейми?

Довольно глупая затея, пол-то сделан из того же материала, что стены и потолок. Он встал на колени и начал скрести пол, но поверхность была тверда, как и все остальное в комнате.

– А как насчет двери? Попробуй дверь.

– Дверь исчезла, – ответил он, чувствуя себя по-дурацки.

Как это дверь могла исчезнуть? Он знал, что это часть игры, но факт оставался фактом – двери больше не было.

Подойдя к тому месту, откуда вошел, Форбс изо всех сил толкнул плечом то, что выглядело как камень, но могло оказаться крашеной фанерой. Ничего не вышло, только плечо ушиб. Как вообще могло оказаться, что все здесь сделано из камня?

– Джейми, выход есть, – повторил Блэксмита. – Скажешь нам *какой*?

Джейми Форбс выбился из сил и впал в отчаянье. Если это была шутка, то она затянулась. Ни дверей, ни окон, ни ключей, ни веревок, проволоки или подъемных блоков, ни инструментов, никакого другого способа справиться с этими стенами. Если и был выход, нужно было назвать какой-то секретный пароль, которого он не знал.

– Сдаешься, Джейми?

Не ответив, он попятился до противоположной стороны комнаты, разбежался и изо всех сил пнул стену ногой. Естественно, упал на пол, а стена осталась невредимой.

– Ладно, – сказал он поднимаясь. – Сдаюсь.

– Вот ответ, – послышался полный драматизма голос Блэксмита. – Джейми, *иди сквозь стену!*

«Этот парень рехнулся, – подумал он, – провалился в середине своего шоу».

– Я не могу, – сказал он угрюмо. – Я не умею проходить сквозь стены.

– Джейми, я скажу тебе правду. Я не шучу. Стены существуют только в твоём воображении. Ты можешь пройти сквозь них, если согласишься, что можешь.

Он всем телом распластался по стене.

– Ага, – сказал он, – и что теперь?

– Ладно, Джейми. Я тебе все сейчас объясню, весь трюк. Возможно, ты не помнишь этого, но тебя *загипнотизировали*. Никаких стен вокруг тебя нет. Ты стоишь на сцене в зале отеля «Лафайет» в Лонг-Бич, штат Калифорния, и только ты один в этом зале веришь, что вокруг тебя стены.

Стены не дрогнули.

– Зачем вы это делаете со мной? – спросил Форбс. – Шутки ради?

– Да, Джейми, – мягко сказал Блэксмита. – Мы это делаем шутки ради. Ты сам вызвался и всю свою жизнь будешь помнить то, что случилось сегодня.

– Помогите, пожалуйста, – просто сказал Джейми без тени гнева или обиды.

– Я помогу тебе помочь самому себе, – сказал Блэксмита. – Мы не должны быть пленниками собственных убеждений. Никогда.

Итак, на счет «три» я пройду сквозь каменную стену в комнату. Я возьму тебя за руку, и мы вместе пройдем сквозь стену наружу. И ты окажешься на свободе.

Что на такое скажешь?

Джейми промолчал.

– Раз, – донесся голос гипнотизера.

– Два...

Длинная пауза.

– Три!

Все тотчас случилось так, как он говорил. В одно мгновение на глазах Форбса каменное пространство стало расплывчатым и искривленным, будто он смотрел на все сквозь тонкий слой воды, а еще через мгновение Блэксмита в своем безупречном смокинге прошел сквозь стену тюрьмы, протягивая ему руку.

С огромным облегчением он схватился за эту руку.

– Не думал...

Гипнотизер не замедлил шага и ничего не ответил, уверенно направляясь к противоположной каменной стене и таща за собой свою жертву.

Потрясенный Джейми Форбс, не владея собой, завопил от неожиданности и изумления.

Тело Блэксмита исчезло в камне.

Форбс изо всех сил вцепился за все еще остающуюся внутри руку, которая продолжала двигаться вперед, увлекая его прямо в стену.

Если он и продолжал кричать, то его крик заглушила стена, и через мгновение раздался какой-то звук, будто кто-то щелкнул пальцами. И вот он уже стоит на сцене, судорожно цепляясь за руку мистера Блэксмита, щурится от яркого света рампы, купаясь в восторженных овациях.

Он видел, как люди в первых рядах, которые были видны в свете рампы, вставали со своих мест, аплодируя гипнотизеру – и, как ни странно, ему тоже.

Это был финал шоу Блэксмита. Он оставил испытуемого наслаждаться овациями, исчез за кулисами, дважды возвращался на сцену, пока бурные овации не смолкли, превратившись в тихий шелест и гул голосов, и пока зрители не начали собирать свои программки, пиджаки и сумочки, а в зале не зажгли свет.

На подгибающихся ногах Джейми Форбс спустился со сцены, где несколько зрителей, улыбаясь, поблагодарили его за смелость:

– Это в самом деле был настоящий камень? Вы что, действительно ощущали эти глыбы, кладку, холодный пол и всякое такое?

– Конечно, они были настоящими!

Они рассмеялись, потом со смущенными улыбками объяснили:

– Вы стояли на сцене, посередине. На пустой сцене! Блэксмит был слева и разговаривал с вами. Вы вели себя так, будто все это было на самом деле! А прыжок в самом конце, а удар ногой! Потрясающе! Вы что, в самом деле, верили... да?

Больше, чем верил. Он *знал*.

Джейми Форбс переживал события вечера вновь и вновь, всю дорогу, пока не добрался до дома.

Камень, твердый, как гранит, прочный, как сталь, тверже и прочнее не бывает. Поверил ли он? Да он бы умер голодной смертью в этой комнате, попавшись в ловушку... почему?

Он не просто поверил. Он был абсолютно, неоспоримо в том убежден.

Все началось с безобидного предложения: «Давайте отправимся вместе на воображаемую прогулку...»

О чем я думал? «Я не поддаюсь гипнозу». Позволил внушить себе, что наглухо заперт в каменном мешке. Как такое могло произойти?

Много лет спустя он узнал, что не умер бы, останься там один. В конце концов он бы заснул, а проснувшись, избавился бы от делавших его узником убеждений, которые несколько часов назад казались ему такими реальными.

На следующий день афиша в вестибюле не изменилась.

Великий Блэксмит!
Поразительная Сила Мысли!
Весь вечер на сцене!

В этот последний день шоу Джейми Форбс сел в середине зала, в центре, сто футов от сцены. В этот раз вызываться не буду, подумал он. Что же этот человек со мной сделал? Как он сделал это?

Каждый номер программы, безусловно, был замечательным, но он не позволял себе увлечься и внимательно следил за происходящим.

Несколько слов тихим голосом, и вот уже первый доброволец впал в транс.

Один взгляд на последовательность пятидесяти двух карт – и он называет их по мере появления из колоды без единой ошибки.

– Ваша рука крепка и негибаема, как железный прут, – внушает гипнотизер сравнительно щуплому добровольцу, и никто из зрительного зала не может согнуть его руку.

– Вы ясно видите дух усопшего мужа миссис Доры Чэпмен, – внушал он девочке-подростку, – он сейчас перед вами. Пожалуйста, опишите нам мистера Чэпмена.

– Да, сэр, – лепетала та, не мигая. – Он высокий и стройный, с карими глазами, черные волосы, зачесанные назад, маленькие усики. Он улыбается и выглядит чрезвычайно счастливым. На нем что-то вроде костюма для верховой езды, официальный и... сногшибательный – наверное, так можно сказать – черный галстук-бабочка...

Тут же на огромном экране появляется фотография, и зрители видят описанного ею человека, но по-другому одетого. Руку поддерживает специальная повязка – растяжение или перелом незадолго до того, как был сделан снимок, но человек вполне подходит под описание. Каким-то образом девушка его увидела, если, конечно, не обманывает и ей не было заранее известно об этом человеке, в чем Джейми сомневался.

– Он обожал лошадей и верховую езду, – прошептала вдова Блэксмиту, а затем, когда тот попросил ее сказать это зрителям, тихим голосом повторила свои слова в микрофон.

Все шло своим чередом, и, как и было обещано, Блэксмит демонстрировал силу мыслей людей, таких же ординарных, каким был сам Форбс до вчерашнего вечера.

Он подумал, а вдруг все мы, сидящие в зале, были загипнотизированы на предыдущих представлениях и теперь пытаемся понять, что же с нами произошло?

Это все, что он мог сделать, чтобы постараться самому не впасть в транс, когда пришло время последнего номера программы.

На сцене три добровольца. Один шагнул назад, едва гипнотизер легонько коснулся его плеча, вторая начала падать и была тотчас подхвачена, третий не отреагировал на толчок. Первого и третьего поблагодарили и отослали со сцены под аплодисменты – учтивость каким-то образом была важна для шоумена.

Форбс напрягся, пытаясь расслышать слова, которые Блэксмит тихим голосом говорил оставшейся молодой женщине, старался разобрать их по губам. Он разобрал только слово «путешествие». Гипнотизер сказал девушке что-то другое, не то, что говорил Джейми прошлым вечером, и у него ушло на это на несколько секунд больше.

– И как же вас зовут, мэм? – спросил он громко, чтобы всем было слышно.

– Лонни, – ответила та твердым голосом.

– Правильно! – сказал он.

Подождав, пока утихнет смех, он продолжил чуть громче.

– Скажите, Лонни, мы с вами не встречались раньше, не были знакомы до сегодняшнего вечера?

– Нет.

– Это правда, – сказал он. – Лонни, будьте добры, пройдите сюда.

Из того, что Джейми Форбс видел, невозможно было определить, что мужчина на сцене – гипнотизер и что девушка уже находится в трансе. Просто два человека медленно прохаживаются по сцене, ничего особенного.

Они двигались от края сцены к центру. Она сделала еще три шага, потом, словно заметив, что вдруг осталась одна, повернулась и стала растерянно оглядываться вокруг.

Форбс похолодел. Он знал, что она видит: стены, камень, тюремную камеру. Но вокруг нее ничего не было. Ничего. Воздух. Сцена. Зрители. Никакого даже прозрачного занавеса, никаких зеркал, никаких световых эффектов.

Но лицо ее омрачилось, как, наверное, и его лицо тогда. Что же стало с дверью? Куда подевался Блэксмит?

Он смотрел, как она подошла к невидимой стене, коснулась ее. Надавила на нее, сделала шаг влево, снова надавила.

Может, она представляла другой камень, подумал он, но ясно, что в ее воображении он был таким же твердым, таким же прочным.

– Эй... – сказала она. – Кто-нибудь меня слышит?

В зале захихикали: конечно, мы вас слышим. Мы ведь здесь!

Джейми Форбсу было не до смеха. Приблизительно в эту минуту он тогда испугался сам.

Испугался чего? Почему ему стало страшно?

Потому что попал в ловушку, вот почему. Оказался в каменном мешке. Без дверей, без окон, каменный потолок, каменный пол... как жук в чайной чашке, и выхода нет.

Все не так, подумал он, глядя на сцену.

Тогда Блэксмит велел спускаться по ступеням, шептал что-то. Ступени упирались в дверь. Каждый миг реален, как вчера. Сегодня он видел это иначе – сцена, пустая сцена, и бедная девушка – пленница своего собственного ума.

Зрители улыбались, они были в восторге, а Форбс едва сдерживал себя, чтобы не вскочить со своего места, не броситься по проходу на сцену, чтобы освободить ее, спасти...

От чего освободить, подумал он. Как можно рязгипнотизировать человека, который глубоко верит, что толстые стены, которых ты не видишь, давят на него, сковывают его, без пищи и воды, даже воздух и тот на исходе?

Кто мог освободить его, сказать, что стены – плод его фантазии, убедить его в этом?

Я бы не увидел спасателей, подумал он. Пока они не подошли бы совсем близко.

Совсем близко – и что тогда? Увидел бы, что кто-то прошел ко мне сквозь каменную стену, и ни с того ни с сего поверил бы ему? Он бы сказал, все это лишь плод вашего воображения, а я бы сказал, ну да, конечно, благодарю вас, и стены бы исчезли?

– Эй! – сказала Лонни. – Мистер Блэксмит? Вы ведь не бросите меня здесь? Мистер Блэксмит, вы меня слышите? Мистер Блэксмит!

Форбс посмотрел на гипнотизера. Как он выносит это, ее крики? А ведь через минуту и она будет вопить.

Лонни бросилась на каменную стену, созданную в ее уме, стала бить по ней с такой силой, что вскоре ее кулаки должны были бы покрыться кровью.

Достаточно, Блэксмит, подумал он. Уже хватит.

В зрительном зале зашептались, улыбки исчезли, зрителям становилось не по себе.

Все было идеально рассчитано, гипнотизер подошел к своей жертве, встал в пяти футах от нее, все взоры прикованы к нему.

– Лонни, выход есть, – сказал он. – Скажите нам какой.

Ее лицо исказило страдание.

– Я не знаю, – в отчаянии сказала она.

Лонни, ради Бога, подумал Джейми Форбс, да сделай ты два шага и врежь этому типу!

Только годы спустя он узнал, что Блэксмит был для нее тем, что гипнотизеры называют *негативной галлюцинацией*, – она не могла его видеть, так как он был заблокирован *позитивной галлюцинацией* камня, который ее окружал, заточая в тюрьму.

В ту минуту Джейми Форбс подумал: ничто в мире не сможет ее разбудить кроме Блэксмита щелчка пальцами – ни голод, ни смертельная жажда. Это не так, но он так думал, глядя на сцену.

– Вы испробовали все возможные способы, чтобы выбраться? – спросил Блэксмит.

Она кивнула, понуриив голову и упираясь обеими руками в каменную стену, созданную ее верой.

– Сдаетесь?

Она кивнула, несчастная, выбившаяся из сил.

– Вот ответ, – раздался его голос, полный драматизма. – Лонни, *пройди сквозь стену!*

Она не тронулась с места. Она и так уже упиралась в каменную стену, оставалось загадкой, как вообще можно было стоять в такой позе, опираясь только на воздух.

Как можно пройти сквозь стену, как может пройти сквозь нее все тело, когда даже руки не могут?

– Лонни, я скажу вам правду. Я не шучу. Стена существует в вашем уме. Вы можете пройти сквозь нее, только если будете верить, что можете это сделать.

Сколько раз Блэксмит повторял эти слова? Что испытывает человек, открывая правду тому, кто не способен поверить в нее?

– Я вам открою сейчас всю правду, Лонни.

Он повернулся лицом к зрительному залу и драматично сообщил:

– Вас загипнотизировали. Никаких стен вокруг вас нет. Вы стоите на сцене в зале отеля «Лафайет» в Лонг-Бич, штат Калифорния, и только вы одна в этом зале верите, что заключены в тюрьму.

– Пожалуйста, не мучайте меня, – сказала она.

– Я не причиню вам боли. Я помогу вам помочь самой себе, – сказал он. – Мы не должны быть пленниками своих убеждений. Мы можем вспомнить, кто мы. На счет «три» я пройду сквозь стену внутрь, возьму вас за руку, и мы вместе выйдем сквозь стену наружу. И вы будете свободны.

Короткий, безнадежный смешок.

– *Просто выпустите меня.*

– Раз, – сказал Блэксмит, – два. Три!

Гипнотизер сделал то, что мог бы сделать любой из зрителей. Он сделал четыре шага и встал с ней рядом.

Увидев его, Лонни ахнула и издала леденящий кровь крик.

Блэксмит протянул ей руку, но та бросилась ему на шею, прижимаясь к своему спасителю.

– Теперь вместе, – сказал он.

Он взял ее за руку.

– Мы пройдем сквозь...

– НЕТ! – закричала она. – *НЕТ! НЕТ!*

– Мы выйдем через дверь, – сказал он спокойным и ровным голосом.

Такое уже случалось, Форбс понял это сразу. Лонни зашла слишком далеко, и гипнотизер прибег к плану Б: предложил дверь.

Интересно, что собой представляет план С, подумал он. Наверное, щелкнет пальцами, разбудит ее, и она увидит сцену, зрительный зал, вспомнит, что она сама вызвалась...

Она оторвалась от него, с глубочайшим облегчением схватилась за невидимую ручку невидимой двери, пробежала несколько шагов и застыла, тяжело дыша, потом обернулась к гипнотизеру. Тот протянул руку, и на этот раз она приняла ее. Он поднял свободную руку и щелкнул пальцами, улыбаясь и глядя ей прямо в глаза.

Было впечатление, будто он ударил ее по лицу. Она отпрянула с широко открытыми глазами.

Через секунду зрительный зал взорвался аплодисментами, разряжая невыносимое напряжение в зале, многие зрители уже стояли, остолбенев от увиденного.

Блэксмит поклонился, и поскольку он держал ее за руку, она поклонилась тоже, совершенно сбита с толку.

Зал гудел, пораженный и изумленный.

А Лонни утирала слезы, и даже со своего дальнего ряда Джейми Форбс видел ее отчаянье: «*Что вы со мной сделали?*»

Блэксмит что-то шепнул ей в ответ, повернулся к залу и произнес одними губами «спасибо» в ответ на аплодисменты.

Потом громко произнес:

– *Не стоит недооценивать силу ваших собственных убеждений!*

* * *

Долгое время Джейми Форбс не мог забыть этот странный спектакль, прокручивая его снова и снова в своем уме, пока наконец он не стерся из памяти, потеряв остроту и уступив место его вечной страсти – полетам.

Он похоронил эту загадку в своей памяти и не вспоминал о ней долгое время, до того самого рассвета в Норд-Платт, штат Небраска.

Глава шестая

Восемь тридцать утра, кафе в аэропорту битком набито. Он нашел свободное место и открыл меню.

– Не возражаете, если я сяду за ваш столик? Джейми Форбс поднял глаза, она была из тех, кто располагает к себе с первого взгляда.

– Валяйте, – сказал он. Она поставила рюкзак рядом.

– Это здесь учат летать?

– Нет, – сказал он и показал на небо за окном. – Летать учатся там.

Она посмотрела и кивнула.

– Всегда говорила, что однажды сделаю это. Научусь водить самолет. Пообещала себе, но пока руки не доходили.

– Никогда не поздно, – сказал он.

– О... – сказала она и задумчиво улыбнулась. – Думаю, это по мне.

Протянула руку.

– Ди Хэллок.

– Джейми Форбс.

Уткнулись в меню. Что-нибудь легкое и немного, подумал он. Апельсиновый сок и тост, для здоровья полезно.

– Путешествуете, – сказал он.

– Да, автостопом.

Она отложила меню и, когда подошла официантка, сказала:

– Чай и тост, пожалуйста. Чай с мятой, хлеб белый.

– Да, мэм, – сказала официантка, запоминая немудреный заказ, и обернулась к нему.

– Горячий шоколад и тост из ржаного хлеба, если можно.

Надо же, автостопом.

– Да ведь у вас сегодня летный день, – сказала официантка. – Ох уж мне эти легкие заказы.

– Наедаться вредно, – сказал он.

Та улыбнулась и перешла к следующему столику, не став записывать их заказ.

– «Голосуете» автомобилям, – спросил он, – или самолетам?

– О самолетах как-то не подумала, – сказала Ди. – А это возможно?

– За спрос денег не берут. Хотя стоит проявлять осторожность.

– Вы так считаете?

– Это гористая местность. Некоторые самолеты летают не так хорошо, как другие, в горах, с пассажирами.

Около сорока, подумал он. Занимается бизнесом. И чего ее понесло путешествовать автостопом?

– Что касается вашего вопроса, – сказала она, – то я проверяю одну гипотезу.

Темно-каштановые волосы, карие глаза, любознательность и интеллект, которые наделяют женщину магнетической красотой.

– Какого вопроса?

– «Чего ее понесло путешествовать автостопом?»

Он заморгал.

– Вы правы. Я подумал что-то в этом роде. Какую же гипотезу вы проверяете?

– Что совпадений не бывает.

Любопытно, подумал он.

– Каких именно совпадений не бывает?

– Мне без разницы, – сказала она. – Каких именно, не имеет значения. Возьмем нас для примера. Не удивлюсь, если у нас окажется какой-нибудь общий друг. Не удивлюсь, что мы встретились не случайно. Совсем не удивлюсь.

Она посмотрела на него так, словно они в самом деле встретились не случайно.

– Этого, естественно, не знает никто, – сказал он.

Она улыбнулась.

– Разве что случайность.

– Которой не бывает.

– Как раз это я и выясняю.

Ничего себе исследование, подумал он.

– И находите больше совпадений на миллю пути, чем сидя у себя в офисе?

Она кивнула.

– Не думаете, что автостоп опасное занятие? Привлекательная женщина просит подвезти.

Мало ли кто может встретиться на дороге.

Самоуверенный смех.

– Я не *привлекаю* опасность.

Оно и видно, подумал он. Так уверена в себе или просто наивна?

– Чем подтверждается ваша гипотеза?

– Законом это еще называть рано, но, полагаю, довольно скоро это станет теорией – моей, по меньшей мере.

Она с улыбкой говорила об опасности – этого он понять не мог.

– А я – совпадение? – спросил он.

– Является ли Джейми совпадением? – сказала она с таким видом, будто спрашивала кого-то, кого он не видел. – Конечно, нет. Я вам потом это объясню.

– Мне кажется, что вы – совпадение, – сказал он. – И в этом нет ничего плохого. Желаю успеха в вашем путешествии.

– Вам не показалось, что за этим столом было сказано нечто важное, – спросила она, – настолько важное, что изменило вас навсегда?

– «Навсегда» – это ключевое слово. Скажите мне нечто шокирующее, мэм, нечто, что перевернуло бы всю мою жизнь и чего я не знал раньше, и я соглашусь, что вы не совпадение.

Она подумала немного и улыбнулась.

– Я должна вам кое-что сказать, – сказала она. – Я гипнотизер.

Глава седьмая

Если и существовало слово, которое могло сразить Джейми Форбса, – так это именно оно, «гипнотизер». Так, будто белый шум в наушниках, когда эфир молчит, вдруг пронзает оглушительная радиопомеха и проникает в самый мозг.

Словно вдруг в уме вспыхнула мысль, что все крутилась и крутилась вокруг того, чему нет объяснения...

Он считал без счета... через семь секунд снова пришел в себя.

Как эта странная леди оказалась за моим столом именно в ту минуту, когда я гадал, загипнотизировал я Марию Очоа в воздухе или нет, вспоминал, как это случилось и со мной тоже?

– Кафе было переполнено, вот как.

Оттуда она знает, о чем я думаю? Читает чужие мысли? Выдает себя за человека, а на самом деле не человек вовсе? Почему Необъяснимое происходит со мной здесь, в Норд-Платт, штат Небраска? Какой-то пришелец поймал меня на крючок? Откуда она знает о переменах в моей жизни, если я вижу ее в первый раз?

Случай. Совпадение, вот почему. Вряд ли она марсианка.

Повисло долгое молчание. Он взглянул из окна на небо, потом снова ей в глаза.

– Что заставляет вас думать, будто я думаю, что ваша работа изменит мою жизнь?

Официантка принесла завтрак.

– Что-нибудь еще?

Он покачал головой.

– Нет, спасибо, – сказала Ди Хэллок.

Они принялись за тосты, он снова задал свой немой вопрос: «С чего вы решили, что мне это интересно?»

– Я подумала, что вам это будет интересно, – сказала она. – Я избавляюсь от своих привычек. Доверяю интуиции вместо того, чтобы подавлять ее ежеминутно, говоря, что это глупо. Я почти уверена, что вам это интересно.

– Мне и вправду интересно, – сказал он. – Можно скажу почему?

– Скажите.

Он вкратце рассказал ей о том, что произошло вчера. И что сегодня утром он как раз сидел и размышлял: правда ли то, что он загипнотизировал Марию, внушив ей, что она командир авиалайнера, как она сказала об этом репортеру.

Она посмотрела на него холодным профессиональным взглядом.

– Вы сделали нечто гораздо более важное.

– Неужели? А что такое гипноз?

Когда Джейми Форбс хотел что-либо узнать, ему было плевать, если кто-то сочтет его глупым.

– Гипноз, – сказала она с таким видом, будто в этом не было ничего глупого, – это *принятая установка*.

Он подождал.

Она пожала плечами.

– И все? – спросил он.

Она кивнула.

– Немного расплывчато, нет?

– Нет. Расскажите мне все снова, все, что помните, я буду останавливать вас словом «*стоп*»

всякий раз, когда вы гипнотизировали Марию.

Он бросил взгляд на часы над буфетной стойкой, стиль арт-деко, хромовые стрелки в виде лопастей винта показывают пять минут десятого.

– Мне пора в путь.

– Счастливого полета, – сказала она. – Это важно, я понимаю.

Он моргнул, получив запрещающий сигнал. Может, она права. Погода улучшается к востоку, грозовой фронт уходит. Рано, можно подождать еще немного, пока не распогодится.

– Ладно, – сказал он, – слушайте, что произошло.

Он снова стал рассказывать о вчерашнем дне, со всеми подробностями, какие мог припомнить, зная, что она остановит его, когда он дойдет до эпизода с авиалиниями.

– Сначала она сказала: «Бог мой, кто-нибудь, помогите, он умер!» А я сказал: «Может, и так, мэм, а может, нет».

– *Стоп*, – сказала гипнотизерша. – Вы предположили, что она, возможно, ошибается и ее муж жив. Для нее это была новая мысль, она приняла ее, и та дала ей надежду, даже больше – стимул, чтобы жить.

Он об этом тогда не подумал.

– Я сказал ей, что она может управлять самолетом и без него.

– *Стоп*, – сказала Ди Хэллок. – Вы предположили, что она может управлять самолетом. Еще один новый для нее вариант.

– Я сказал: «Лучше нам доставить его на землю». Употребил местоимение «мы» – как мне показалось, я знал, что она скажет дальше.

– *Стоп*. Вы не только гипнотизируете ее, вы *знаете*, что делаете это.

– Она сказала: «Я не умею управлять самолетом», поэтому я сказал: «Хорошо, тогда мы посадим его вместе».

– *Стоп*. Вы отрицаете ее утверждение, что она не умеет управлять самолетом, а ваша интонация, ваша уверенность говорят об обратном. *Отрицание* и *утверждение* – установки, которые приводят к действию.

И все в таком духе. Ди Хэллок останавливала его почти на каждой фразе. Форбс дал установку, что та умеет управлять самолетом, сказала она, он утверждал и подтверждал, давал невербальные подсказки, дал установку положиться на его авторитет инструктора, внушил поверить, что он доставит ее на землю живой и невредимой, подкреплял установки юмором... Ее список был бесконечен и включал каждую фразу, которую он помнил.

Он соглашался и кивал. Его соседка по столу внушала ему, что он управлял умом Марии. Неужели гипнотизировать так просто?

... – «Я поговорю с диспетчерской вышкой по другому радио. Не волнуйтесь, вас я тоже буду слышать. Можете со мной разговаривать, когда захотите, договорились?»

– *Стоп*, – сказала она. – Что вы ей сейчас говорите?

– Ей практически ничего не надо делать. Мистер Авторитет следит за каждым ее движением, даже когда говорит с кем-то еще.

– Точно.

– Я сказал башне: «Нет, но не помешает подогнать „скорую“ для пилота и пожарную машину. Пусть во время приземления машины будут двигаться позади самолета, хорошо? Мы не хотим, чтобы едущие рядом машины отвлекали ее во время посадки».

– *Стоп*. Что вы теперь делаете?

Он улыбнулся.

– Гипнотизирую диспетчера на башне.

Она кивнула с серьезным видом.

– Вы даете установку, что вы главный и что он должен это принять.

... – «Мария, впереди нас взлетно-посадочная полоса. Мы делаем большой плавный разворот, чтобы зайти на нее. Очень плавный, никакой спешки. Для вас это совсем нетрудно».

– Смотрите, что вы делаете, – сказала она. – Даете установку, что все уже закончилось успешно.

– Точно. Неужели это правда?

– Что скажете? – спросила Ди Хэллок. – Сколько установок в вашей истории? Двадцать? Тридцать? О скольких вы еще не упомянули? Мои клиенты впадают в транс средней степени уже после одной такой фразы.

Она подняла чашку, но пить не стала.

– *Установка-Утверждение-Подтверждение*, снова и снова, как спирали, которые используют в фильмах, чтобы показать, что человека... *гипнотизируют*...

– Вы хотите сказать, что не я один на это способен? Кто угодно может нас загипнотизировать? Любой это может?

– Не только любой это *может*, сэр, а все это *делают*, каждый день. Вы это делаете, я это делаю, дни и ночи напролет.

По ее лицу он догадался, что она думает, будто он ей не поверил.

Она наклонилась к нему, вид у нее серьезный.

– Джейми, всякий раз, когда мы думаем или говорим: я..., я чувствую..., я хочу..., я думаю..., я знаю..., ты похож..., ты можешь..., ты..., ты не можешь..., ты должен..., я должен..., я буду..., это..., это не..., всякий раз, когда мы используем оценочное суждение: хороший плохой лучше дурной самый лучший красивый бесполезный потрясающий правильно неправильно ужасно очаровательно великолепно напрасно...

Всем своим видом она давала понять, что список бесконечен.

– И так далее и так далее, каждое наше утверждение – это не высказывание, а *установка*, и если мы ее принимаем, она проникает в нас *глубже*.

Она усиливает саму себя.

– Говорю себе, что чувствую себя прекрасно, когда чувствую себя скверно, – сказал он, – и «прекрасно» усиливается. Так, что ли?

– Так. Говорим себе, что чувствуем себя прекрасно, когда нам скверно, и плохое уходит с каждой новой установкой. Говорим себе, что чувствуем себя отвратительно, когда просто неважно, и с каждым словом нам становится хуже. Установки усиливают сами себя. Установки усиливаются.

Она замолчала, подняла брови на мгновение. Поражена своим напором, подумал он.

– Интересно, – сказал он. Его слова усиливались, погружая его в транс понимания, что все сказанное ею гораздо более чем просто интересно. Если в том, что она говорит, хотя бы четверть правды, десятая часть правды...

– Гипноз вовсе не мистика, Джейми. Все дело в повторении, в повторении снова и снова. Установки приходят отовсюду, от нас самих, от людей, которые нас окружают: подумай так, сделай то, будь таким. Установки, исходящие от камней: они твердые, они вещество, даже когда мы знаем, что материя – не что иное, как энергия, бесчисленные связи, которые мы воспринимаем как вещество. Нет ничего на свете твердого, нам только кажется...

Будто решив не углубляться дальше, она замолчала с поднятой чашкой в руке.

Установка, утверждение, думал он. Эта леди права. Из всех установок, которые мы слышали, видели или осязали, наша правда состоит из множества тех, что мы *приняли*. Исполняются не наши желания или мечты, а установки, которые мы *приняли*.

– Вы сделали это с Марией, – наконец сказала она, – погрузили ее в глубокий транс, и это

не Мария посадила самолет, а вы. Ваш ум вселился в ее тело на короткое, но достаточное время, чтобы спасти ей жизнь.

Она поставила чашку так осторожно, будто считала, что чай нельзя разливать никогда.

– Скажите вот что... – и замолчала.

– Сказать *что*? – спросил он, выждав немного.

– Не мелькала ли у вас вчера мысль, что она *не сможет* благополучно посадить самолет?

Пилот замолчал. Невероятно, но он и мысли не допускал, что Мария не сможет посадить самолет, как не мог себе представить, что не посадит свой.

– Когда мы принимаем свои собственные установки, – сказала его странная собеседница, – это называется *самогипноз*.

Глава восьмая

Джейми Форбс слишком долго жил душой нараспашку, но в последние годы стал скрытным, и это почти вошло у него в привычку.

Эта Ди Хармон, думал он, путешествующая автостопом в охоте за совпадениями, дала мне больше пищи для ума, чем ей кажется.

Он взглянул на часы, положил на столик две десятидолларовые купюры.

– Мне пора в путь, – сказал он. – Если счет окажется больше, чем в двадцать долларов, боюсь, вам придется доплатить.

– Спасибо, – сказала она. – Заплачу. Куда вы направляетесь?

– Буду в Арканзасе, где-то к полудню. Это на юго-восток отсюда.

Она осталась сидеть, когда он встал из-за стола.

– Было приятно познакомиться, Джейми Форбс, – сказала она.

Мне пора в путь, подумал он, уходя. Хотя вовсе нет. Мог бы остаться и проговорить с этим человеком целый день, узнать все, что она знает, хотя бы несколько часов, было бы полезно. Хорошо, тогда: *Я хочу в путь*.

Установка, которую я принял – во всяком случае, так мне казалось, – я рад, что уйду, иду по бетонированной площадке к самолету, снова забираюсь в знакомую кабину, освобождаю голову от наплыва диких мыслей, которые кажутся еще более дикими, оттого что похожи на правду.

Ремни безопасности застегнуты, шлем надет, кабель связи подключен, перчатки натянуты. Какое удовольствие иногда доставляют привычные действия, имеющие определенную цель.

Смесь – **ОБОГАТИТЬ**

Шаг винта – **МАКСИМАЛЬНЫЙ**

Магнето – **ОБА**

Аккумулятор – **ВКЛ.**

Вспомогательный насос – **ВКЛ.**, два-три-четыре-пять... **ВЫКЛ.**

Зона винта – **ЧИСТО**

Стартер – **ВКЛ.**

Винт сначала неохотно крутит свои три лопасти перед лобовым стеклом, затем вдруг «исчезает» – в момент, когда двигатель набрал обороты. Сизый дымок секунду клубится и растворяется бесследно, развеянный воздушной струей.

Давление масла – **НОРМА**

Генератор переменного тока – **ВКЛЮЧЕН**

Ему никогда не надоест летать. Каждый раз – как впервые. Каждый пуск двигателя – и он отправляется в новое приключение, воскрешая дух славной машины к жизни, при каждом взлете ее дух смешивается с его собственным, чтобы совершить то, чего еще никто не делал за всю историю, – оторваться от земли и полететь.

Оторвавшись также от завтрака с Ди... Холланд, во время взлета он ни разу о ней не вспомнил.

Летим.

Шасси убрать.

Скорость, скороподъемность в норме, давление и температура масла, впускной коллектор, обороты двигателя, время, подача топлива, температура головок цилиндров и выхлопных газов на зеленом, топливомер норма...

Мы летим. Проверить, нет ли в небе других самолетов, посмотреть, как под тобой медленно

движется земля.

Как только осваиваешь основы управления самолетом, появляется масса возможностей для расщепления личности сидящего в кабине. Тебя становится двое, трое. Один ум ведет машину, другой разгадывает тайны мироздания, третий вообще занят неизвестно чем.

Несколько минут спустя на высоте 7500 футов, курс один-четыре-ноль на Арканзас, одна из личностей Джейми Форбса задумалась над тем, почему, если только это не совпадение, он этим утром встретил госпожу Харрелсон во время ее миссии, имевшей целью доказать то, что, по ее убеждению, было верным.

Нет необходимости наклеивать на каждое событие ярлык, подумал он, совпадение это или судьба. Важно то, что следует после, – станем мы что-нибудь делать с эпизодами нашей жизни или выпустим их из нашего сердца плыть в море Забытых Встреч.

На самом ли деле он загипнотизировал Марию так, что та благополучно посадила самолет? На самом ли деле он загипнотизировал себя так, что сумел помочь ей это сделать? На самом ли деле гипноз – настолько обыденное занятие, что мы пользуемся им ежеминутно и ежедневно по отношению к себе и другим и не замечаем этого?

Гипноз не претендует на то, чтобы открыть нам, *зачем* мы здесь, подумал он, но, без сомнения, объясняет, *как* мы сюда попали и что мы со всем этим можем делать.

Ну а если любительница путешествовать автостопом права, полагая, что Мария посадила само-, лет, находясь в трансе? Что, если это правда?

Выходит, если гипноз – не что иное, как принятая установка, то мир вокруг нас по большей части раскрашен нашей же кистью.

– ...Пратт,^[3] это Свифт 2304^[4] Браво, захожу под сорок пять левым кругом, полоса три-пять, как слышно, Пратт...

Связь была слабой, самолет находился далеко.

Какие установки? Впервые в жизни в гулкой тишине кабины высоко над землей у него *открылись глаза*.

Он словно летел назад во времени – один или с другими людьми, через время супружеской жизни и работы, через годы в армии, через старшие классы школы, младшие классы, дошкольные годы, младенчество. Не становимся ли мы частью какой-либо культуры, какой-либо формы жизни лишь после того, как принимаем ее установки, считая их *правильными*?

Установки тысяч, миллионов, море установок; принятых, почитаемых, приемлемых – и тех, что отвергаются, сбрасываются со счетов... все они незримо проходят через меня, через каждое человеческое существо, каждое животное, каждый живой организм на Земле: необходимость есть и спать, испытывать жару и холод, боль и наслаждение, необходимость сердцу биться, легким дышать воздухом, познать все физические законы и соблюдать их, принимать установки – это единственный способ жизни, который существует, когда-либо существовал и будет существовать. Ди Хартридж лишь намекала на это.

Любое утверждение, подумал он, с которым мы можем согласиться или не согласиться на любом уровне, – это установка.

Он был так поражен этой мыслью, что забыл о самолете.

Любое утверждение? То есть практически каждое слово, которое он видел, произносил, слышал, о котором думал или мечтал, безостановочно днями и ночами напролет, более полувека, не считая невербальных установок, которые еще в десять тысяч раз более живучи.

Каждую долю секунды мы натываемся на стену и в который раз подтверждаем: *твердая-сквозь-такую-не-пройти*. В скольких микрослучаях в течение одного дня наш разум сталкивается со стенами? Дверями? Полами? Потолками? Окнами? Сколько миллисекунд мы принимаем границы-границы-границы, даже не отдавая в этом отчета?

Сколько нанослучаев в день, подумал он, триллион? А сколько установок каждый день, относящихся к одной только категории архитектуры... Прежде чем перейти к установкам, которые одновременно размывают установки об их собственных границах – будь то восприятие, биология, физиология, химия, авиация, гидродинамика, лазерная физика... можете добавить в этот список любую из дисциплин, познанных человечеством.

Поэтому так беспомощны маленькие дети, пока не выросли, даже несмотря на то, что они учатся каждую секунду, быстрее молнии. Им нужно набрать критическую массу установок, приспособиться после мира Духа к нашему земному восприятию пространства и времени.

Младенчество – это первый урок смертности. На бедное дитя обрушивается такой водопад установок, что не удивительно: пройдут годы, прежде чем ребенок выплывет в спокойные воды и научится выражать собственные мысли. Удивительно, что их первое слово не «помогите!». А может, их плач как раз это и означает.

Час и десять минут после взлета, приборы контроля двигателя – на зеленых секторах, скорость сто пятьдесят узлов, ветер встречный, небо чистое, воздух спокойный, расчетное время прибытия в Арканзас – еще час лёту...

И в основе всего этого – страх. Мы, смертные, должны научиться бояться, подумал он. Если мы собираемся играть в эту Игру, опасность необходима, гибель должна быть возможна.

Вынуждены играть, вынуждены погружаться глубоко, *глубже, глубже* в этот океан установок на то, что мы смертны, ограничены, уязвимы, слепы в отношении всего, кроме мелких бурь, доступных нашему разуму; превращать ложь в непоколебимое убеждение, без всяких вопросов, и при всем этом стараться не умереть как можно дольше, а пока мы прячемся от смерти, понять, почему мы вообще сюда попали и какая может быть причина называть эту игру развлечением.

Да, все настоящие ответы скрыты. Игра заключается в том, чтобы найти их самим среди тьмы ложных ответов, которые находят другие игроки и они им подходят, но, к сожалению, совсем не под¹ходят нам.

Не смейся, малыш. Смертные находят эту Игру восхитительной, так будет и с тобой, когда примешь установку, что ты один из них.

Когда Джейми Форбс был курсантом летной школы, им читали лекцию о *высотной болезни*, которая может случиться при полетах на большой высоте. А может, это вовсе не болезнь, а некий вид *высотного сознания*, захватила его мысль. Ты начинаешь понимать что-то важное, особенное. Этот секрет открывается, только если летаешь годами. На земле вы бы никогда об этом не узнали.

Но если вы не соблюдаете правила, вам не позволят играть.

Правило жизни номер один в пространстве-времени очевидно: *необходимо верить в пространство-время*.

Всего лишь после нескольких миллиардов установок, касающихся границ четырех измерений, то есть приблизительно когда вам исполняется два дня от роду, подтверждения не заставляют себя ждать. Мы все *глубже* погружаемся в транс «я беспомощный человеческий детеныш», но становимся Игроками.

А что же с теми, кто передумал, кто решает забрать назад свое согласие с этой планетарной песочной бурей установок? С теми, кто говорит: «Я – личность! Я не ограничен убеждениями этого созданного галлюцинациями мира и не собираюсь делать вид, будто это так».

Эшелон полета две тысячи триста, снизить скорость до двухсот шестидесяти в час. Форбс переустановил свой навигатор. Теперь не Арканзас. Теперь Понка-Сити, Оклахома.

Никогда там не бывал, подумал он; что ж, скоро буду.

Глава девятая

– Где у вас книги по авиации?

Букинистический магазин неподалеку от аэропорта в Понка-Сити выглядит многообещающе, так как, похоже, находился на этом самом месте уже лет восемьдесят.

– То, что у нас есть по авиации, – сказал продавец, – вы найдете... Идите к вывеске «Путешествия» и поверните налево. В конце ряда, с правой стороны.

– Спасибо.

Порывшись на полках, он обнаружил, что у них ничего нет об истории гидроплана – его страсти в настоящее время. Были, однако, три превосходные книги, стояли рядышком: редкое издание старого двухтомника «Техобслуживание самолетов и авиамоторов» Бримма и Богеса, продававшееся чудовищно дешево, по три доллара за книгу, тогда как реально они стоили по сорок, и книга Невилла Шюта^[5] «Логарифмическая линейка», в которой автор описывал свою жизнь авиаинженера.

Полка была на уровне глаз, и когда он достал все три книги, образовалась солидная брешь. Обычно он пошел бы дальше, но поскольку никуда не спешил, заметил еще одну книгу, втиснутую позади других. Надеюсь, что это окажутся «Гидропланы двадцатых годов», он вытащил ее.

Нет, не повезло. Это была книга даже не по авиации: «Энциклопедия артистов эстрады» Винстона.^[6]

И тут моментально включилась память: зал, сцена, транс, каменный мешок. Волнуясь, Джейми отыскал в указателе имен единственного шоумена, которого он знал лично:

Сэмюэль Блэк, известный под псевдонимом Великий Блэксмит.

Американский гипнотизер, выступавший на сцене (1948–1988). В середине 70-х Блэк не знал себе равных на этом поприще.

«А что, если мы верим, будто скованы чем-то, чего не существует? – спросил он репортера „Variety“.^[7] – И что, если мир вокруг нас – это идеальное зеркало, в котором отражается то, во что мы верим?»

Блэк покинул сцену в 1987, на пике своей популярности.

В статье говорилось, что он экспериментировал с тем, что называл «другие измерения», и что он сделал «...ряд открытий, которые были для меня чрезвычайно интересны, и я решил покинуть свое тело и вернуться в него, оставшись в добром здравии» («Los Angeles Times», 22 июня 1988).

Он был найден мертвым 12 ноября того же года. Причину смерти установить не удалось.

Его вдова Гвендолин (г. р. 1951) – тоже гипнотерапевт по профессии.

Он положил три книги по авиации на прилавок, испытывая чувство вины за цену на Бримма и Богеса, потом протянул «Энциклопедию» продавцу, который, похоже, был и хозяином магазина.

– Она была в разделе «Авиация». Это энциклопедия артистов эстрады.

– Благодарю вас. Простите. Я поставлю ее на место.

Он отложил книгу в сторону.

– По три доллара за эти две и четыре доллара за Невилла Шюта. Идет? – словно хотел продать их дешевле.

– Отлично. Он потрясающий автор.

– «Радуга и роза», «За поворотом», «Попечитель из инструментального цеха», – сказал продавец, улыбаясь: у них были схожие вкусы. – Знаете, он написал двадцать три книги. Все его знают как автора «На берегу», но это вовсе не лучшая его книга, – во всяком случае, я так думаю.

Точно, хозяин.

– Знаете, цена на Бримма и Богеса у вас слишком занижена, – сказал Джейми. – Вы продешевили с такой ценой.

Мужчина махнул рукой.

– Сам поставил эту цену. В следующий раз возьму больше.

Они поговорили немного о Невиле Шюте Норвее, писатель, казалось, ожил и был здесь с ними в магазине, его истории убрали барьер между двумя незнакомыми прежде людьми, которых он никогда в жизни не встречал.

Форбс ушел через полчаса с Бриммом и Богесом, «Логарифмической линейкой» и двумя другими книгами Невила Шюта в дешевом издании, которые стоило перечитать, и решил остаться на ночь в Понка-Сити.

Считается ли обманом, думал он, заплатить за книги по цене, которую назначил магазин?

И решил, что не считается.

Глава десятая

В тот вечер Джейми Форбс все еще под приятным впечатлением от встречи со старыми друзьями на страницах старых книг отправился ужинать в ресторанчик при мотеле.

– Добро пожаловать в Понка-Сити, – сказала официантка, широко улыбаясь, чем заслужила щедрые чаевые, еще даже не приняв его заказ. Она протянула ему меню, шепнув заговорщицки: «У нас чудесные салаты».

Он поблагодарил и, когда она отошла, пробежал меню глазами. Оно было обширным, и салаты выглядели неплохо.

– Полагаю, горячий шоколад с тостом.

Он с удивлением поднял голову и встретил еще одну улыбку.

– Мисс Хаммонд!

– Хэллок, – поправила она. – Ди Хэллок. Мистер Форбс, вы преследуете меня?

Невероятно. От завтрака в Норд-Платт их отделяли четыреста миль, и он вовсе не в Арканзасе, как говорил ей тогда, откуда она могла знать, откуда он мог знать...

– Вы добрались автостопом. В Понка-Сити.

– Дальнобойщик. Восемнадцать колес. Три тысячи фунтов поддонов с дёрном из Норд-Платт, способные превратить высохший Понка-Сити в зеленый сад за одну ночь. Дальнобойщики – самые заботливые и обходительные люди в мире. Вы знаете, что у них даже есть Кодекс дальнобойщика?

– Полно, миз Хэллок, этого не может быть! Не могу поверить, что вы здесь!

Она рассмеялась.

– Ладно, меня здесь нет. Так можно поужинать с вами – или мне исчезнуть?

– Конечно, – сказал он, привстав со своего места. – Простите меня. Присоединяйтесь. Как вы...

– Мистер Форбс, здесь нет никакого «как вы...». Это *совпадение*. Ничего другого вы ведь не собираетесь мне сказать, правда?

А что говорят в подобных случаях? Отрывочные слова, бессвязные фразы, «это невозможно», «такого быть не может», – когда это преспокойно случается в данную минуту, невзирая на то, возможно это или нет.

Он решил ничего не говорить по этому поводу, но его ум сотрясался и грохотал, как пустая птичья клетка, выпавшая из поезда на всем ходу.

Ничего не оставалось, как делать вид, будто все в мире как прежде, хотя было очевидно, что это вовсе не так.

– Она говорит, салаты здесь хорошие.

Ди засмеялась.

О чем она думала, эта исследовательница совпадений?

– Все имеет свою причину, – сказала она. – Я это точно знаю. *Все имеет свою причину*.

Они заказали салаты, какие-то спагетти, ему было все равно, и сидели молча. Какую причину все имеет?

– Не могу не думать о том, что вы сказали. О том, что установки нас гипнотизируют.

– Если мы их *принимаем*, – улыбнулась она.

– Когда нам два дня от роду, выбор у нас невелик. А потом бывает уже поздно.

Она покачала головой.

– Вовсе нет. Выбор у нас есть всегда. Мы принимаем, потому что *хотим* этого. Отказаться от установки никогда не поздно. Разве вы не понимаете, Джейми? Никакой мистики:

установка-утверждение-подтверждение. Вот и все, снова и снова. Установки отовсюду, словно через воронку, вливаются в наше сознание при помощи нашего ума.

Потом он решил сказать ей – ох уж эта игра в гипнотерапию – то, в чем он совершенно не был уверен.

– Помните, вы говорили, что, возможно, у нас есть общий друг? – сказал он.

Она подняла на него глаза, кивнула.

– Это правда.

Она улыбнулась в предвкушении.

– И?..

– Сэм Блэк.

Ни удивления, ни шока, улыбка стала нежной.

– Вы знаете Сэма... – сказала она.

Глава одиннадцатая

Джейми Форбс наблюдал за ней, следил за выражением ее лица, старясь постичь, что происходит у нее внутри. Она просто улыбалась, тепло, словно то, что он знал Сэма, означало, что он знал *все*.

– Как Гвендолин превратилась в Ди? – спросил он.

Если бы он ошибался, вопрос прозвучал бы дико.

Он не ошибался.

– Я не меняла имени, когда мы поженились. Но после того, как Сэм... – снова эта нежная улыбка, – умер, Гвендолин стала Венди, потом наша внучка, дочка Дженнифи, сказала: «Бабуля Ди». Так и повелось, пока я была там с ними.

– Пока вы были там с ними?

– Она до сих пор здесь, и Дженнифи тоже. Эти слова вызвали у него вопросы, но все они казались слишком личными, – пилот не решился об этом спрашивать, ведь они были едва знакомы.

– Я читал о нем, – сказал он.

– В *Энциклопедии артистов сцены*?

Он кивнул.

– Пойдите. Вы нашли книгу *случайно*.

Его рассказ не удивил ее, она сочла его восхитительным: книга, найденная позади книг по авиации на полке букинистического магазина в городе, в котором он не собирался останавливаться, в день, когда его мысли были заняты гипнозом, когда он встретил Гвендолин Хэллок Блэк, не имея до этой минуты ни малейшего представления о ее существовании, за несколько часов до того, как встретил ее во второй раз, и эта встреча была совершенно невероятна.

Принесли салаты, но она к своему едва притронулась.

– Как понимать, – спросил он, – все эти совпадения, связанные с вами?

– Вы еще не догадались?

– Что-то связанное с гипнозом?

– Так вы догадались. Помните мою гипотезу? Как раз сегодня с вашей помощью она стала теорией.

– Что совпадений не бывает?

Он чувствовал себя обезьяной, которая не знает, что делать с фрагментами детсадовской мозаики, все вроде бы просто, а как их сложить – непонятно.

– Возьмем, к примеру, встречу с человеком, который сыграл важную роль в вашей жизни, уже в этой Игре. Позвольте мне спросить?..

– Конечно.

– Как вы встретились со своей женой?

Он засмеялся.

– Это нечестно! Кэтрин взяла короткий отпуск в НАСА, направлялась из Флориды в Калифорнию, но почему-то сделала огромный крюк через Сиэтл, остановилась в маленьком аэропорту, где я приземлился, пережидая страшную грозу...

Он замолчал, прежде чем начать долгий рассказ.

– Вы правы. Мы не должны были встретиться, но это случилось.

– Это было?..

– Десять лет назад.

Это был счастливый брак, мелькнула мысль. И до сих пор счастливый.

– Ну вот. Я говорю, что совпадений не существует, а вы говорите, что судьбы не существует.

– Совпадение – это судьба, – сказал он в шутку.

Она положила вилку, скрестила руки перед собой.

– А знаете, *что* вы только что сказали?

– Никаких совпадений, – сказал он. – Звучит так, будто вы не настолько вольны быть там, где хотели бы, как мне казалось раньше.

– Не забудьте сложить все воедино, – сказала она без улыбки. – Если бы не ограниченность вашего образования, если бы не принятые вами установки, если бы ваше сознание не было обусловлено культурой, которую вы выбрали... вы бы смогли пройти сквозь ту стену.

Его задело это «вы».

– А как насчет Ди? У вас тоже неправильное образование?

– Было, конечно.

– А теперь нет?

– Теперь нет.

– И вы можете пройти сквозь стену?

Улыбка, полная уверенность.

– Легко.

– Покажите.

– Нет.

– Почему?

– Узнаете через несколько часов. Сейчас не время.

– Ди, – сказал он. – Вы что, пытаетесь меня напугать?

Она не ответила, но сделала нечто странное. Склонилась к нему, медленно провела тыльной стороной ладони перед его лицом слева направо, глядя ему в глаза.

– После этого часа, – сказала она, – вы никогда в жизни больше меня не увидите. Мы встретились не случайно, потому что вы должны узнать: *Как установки влияют на нашу судьбу?* Ответ на этот вопрос изменит все, во что вы верите, все, что вы видите.

Ее слова прозвучали как гром среди ясного неба.

– Она была права! – вдруг вспыхнула радостью Ди, и это настолько не вязалось с предыдущими словами, что он ошарашенно спросил:

– Кто был прав?

– Официантка! Салат просто чудо!

– Так и есть. Салат действительно хорош.

Он забыл про свой вопрос о совпадении, судьбе, прохождении сквозь стены, о том, что кому-то что-то надо напомнить.

Она достала из кармана записную книжку, прочитала вслух «Кодекс дальнбойщика», копия того, что хранился за противосолнечным щитком восемнадцатиколесного грузовика фирмы «Кенворт», который подвез ее из Норд-Платт.

Ты – ткань, которая скрепляет всю Америку, и лучший друг детей.

Это дальнбойщик доставляет выращенный фермером урожай в магазины, чтобы дети не голодали.

Это дальнбойщик перевозит топливо, чтобы они не мерзли.

Это дальнбойщик привозит пиломатериалы плотнику, чтобы построить дом, в котором они почувствуют себя в безопасности.

И это жертва одиночеству, которую приносит дальнбойщик, – бессонные ночи,

пустую постель и многие мили без собеседника.

Это дальнбойщик связывает Америку воедино, от Атлантического океана до Тихого.

Она оторвала взгляд от записной книжки и посмотрела на него.

– Разве это не восхитительно? Они сидели в ресторане в Понка-Сити, штат Оклахома, и говорили о том, насколько эти слова правдивы и насколько мы в долгу перед теми, кто выбрал для себя тяжелую опасную работу, чтобы сделать нашу жизнь такой, какая она есть.

Ужин подошел к концу. Она пожелала ему счастливого полета, потом Ди Хэллок попрощалась, встала из-за стола и ушла.

* * *

В тот вечер у себя в номере он подсоединил свой дорожный ноутбук к гостиничному Интернету, набрал ее имя. Естественно, нашлось несколько Гвендолин Хэллок, но только одно короткое упоминание о той, что была ему нужна, фрагмент какого-то генеалогического сайта:

Сэмюэль Блэк (1948–1988), гипнотизер, выступавший на сцене; был женат на Гвендолин Хэллок (1951–2006); их дочь – Дженнифер (р. 1970).

В Интернете вечно путают цифры; перевирают цитаты, приписывают людям слова, которых те не произносили, часто ошибаются в фактах.

Иногда, однако, Паутина не ошибается. Если это так, то Ди Хэллок, с которой Джейми Форбс только что прикончил прекрасный салат, умерла за два года до того, как они встретились.

Глава двенадцатая

В ту ночь он почти не спал.

Так вот почему она могла проходить сквозь стены, думал он, беспокойно ворочаясь в постели: *она больше не принимает установку, что она смертна.*

Если бы не неправильное образование, вы смогли бы пройти сквозь ту стену.

Так что же, всякое умирание суть драматическое изменение в том, что мы считаем истиной в отношении нас самих? И почему мы *должны умереть*, чтобы такое изменение стало возможным?

Потому что мы сами себя приучили верить, что должны, подумал он.

«И да будете вы любить и почитать иллюзию о пространстве-времени, пока смерть не разлучит вас. Аминь»...^[8]

В голове метеорами проносились мысли: а можем ли мы пробудиться, *не умирая?* Какие другие установки мы слышим взамен? Никто не щелкнет пальцами: раз... два... три! – мы можем покидать пространство-время, когда захотим, отправляться домой, когда захотим, возвращаться назад, когда захотим, брать небольшой отпуск, чтобы кое-что прояснить? Никто не скажет: раз... два... три! – нет необходимости пичкать себя лекарствами и с болью и плачем покидать этот мир из-за нашей веры в несчастный случай, болезнь и старость.

Никто нам не скажет, что смерть – это обычай, но не закон.

Он рывком сел в постели, два часа ночи.

Так вот что открыл Сэм Блэк.

Измерения, о которых он писал в своем журнале, – это измерения *других установок.*

Это было похоже на какой-то психический водопад, каскад откровений, фрагменты мозаики складывались в картину сами собой на глазах у изумленной обезьянки.

Так вот как этот человек покинул свое тело в добром здравии. Сэм Блэк, гипнотизер, использовал свои умения, чтобы избавить себя от гипноза Обусловленного Сознания, от миллиарда установок, принятых им, как всеми другими смертными, – о том, что мы замурованы в своих телах, замурованы в земной гравитации, замурованы в атомах, замурованы в культурах, замурованы в земном разуме до тех пор, пока мы играем в эту Игру.

Он понял, что вся эта Игра под названием пространство и время есть гипноз! Установки не будут действовать, пока мы не дадим свое согласие, пока не *примем* их. Установки, которые связывают нас, – не более чем предложения, предположения, пока мы их не примем и не закуем себя в цепи, специально для нас изготовленные.

Мы игроки, мы все сидим в первом ряду, каждый из нас готов выйти на сцену в качестве добровольца.

Что же видят зрители? Что происходит на сцене?

Ничего!

То, что разворачивается перед зрителями, – это игра установок, которые становятся убеждениями, становятся видимыми, идеи превращаются в каменные стены для верующих.

Когда давным-давно в отеле «Лафайет» он попал в каменную темницу, то, что он видел, то, обо что он бился, было так же реально, как этот мир: тесно уложенные гранитные камни, прочно скрепленные густым цементным раствором. Он это видел, трогал, чувствовал. Ударял изо всех сил, и руке было больно.

И все же Великий Блэксмит прошел сквозь ту стену, будто это был воздух.

Гипнотизируемый верил, что там был камень, знал, что там был камень, несокрушимый. Гипнотизер знал, что там был воздух, что сокрушать-то нечего, кроме невидимых убеждений

человека, у которого была галлюцинация тюрьмы.

Посреди темной оклахомской ночи он включил лампу у кровати, сощурился от света, дотянулся до карандаша на тумбочке и стал записывать в гостиничном блокноте.

Как тогда в темнице, думал он, в данную минуту я уверен, что тесно упакован в теле, состоящем из плоти, в номере мотеля, стены из гипсокартона, дверь открывается ключом.

Я никогда не подвергал сомнению свои убеждения! Давным-давно убедил себя и после этого ни разу не сомневался: воздух необходим, чтобы дышать, кров, пища, вода, глаза необходимы, чтобы видеть и знать, уши – чтобы слышать, пальцы – чтобы осязать. Я верю во что-то, когда это вижу. Нет веры, нет проявленности.

Но послушай: не просто какое-то «передумай-и-оно-исчезнет», а *глубже*, глубокое каждую-секунду-жизни убедило, что эта Игра – единственная возможная правда.

Он написал: «Наша вера нужна не для того, чтобы жить, она нужна нам, чтобы играть в Игру!»

В хоккей нельзя играть, если нет льда и клюшки, в шахматы – без доски и фигур, в футбол – без поля, мяча и сетки, нельзя жить на земле, не веря, что мы бесконечно более ограничены, чем мы *есть*.

Карандаш застыл. Она права! Это гипноз, принимается сотня триллионов установок, когда хватило бы, вероятно, и восьми.

И что же?

В ночи, слабая, сирена. В данную минуту, в темноте кто-то делает роковой ход.

И *что ж*, подумал он. А то, что не нужно принимать это слишком серьезно, я не должен этого бояться, и не важно, сколько людей в это верят.

Бояться чего?

Бедности, одиночества, болезни, войны, несчастного случая, смерти. Все они лишь призраки страха, все как один. И все как один становятся бессильны, как только мы перестаем бояться.

Гасит свет, опускает голову на подушку, начинает все сначала.

Не окажись я сам в темнице Блэксмита, думал он, все это выглядело бы как безумие: мир, состоящий из принятых установок, ничего реального – мир, созданный мыслью.

Эй... не думай, что убеждение – это какой-то там жалкий хлюпик. Убеждение обладает сокрушительной силой, это стальные тиски Игры, которые не отпускают нас ни на секунду до самой нашей смерти.

Мы умираем из-за своих убеждений, думал он, каждую минуту кто-то умирает от смертельной иллюзии.

Реальность тюрьмы Блэксмита отличается от реальности окружающих меня сейчас стен, подумал он, только тем, что тюрьма исчезнет завтра без всяких усилий или веры с моей стороны. Комната же так просто не исчезнет. Тюрьма существовала только с моего согласия, комната построена с согласия каждого, живущего в пространстве-времени:

Стены удерживают картину мира.

Он погасил свет. Снаружи мир не существует, он лишь здесь, внутри, думал он, установки становятся убеждениями, становятся ощущениями, становятся так называемыми твердыми предметами на нашей Игровой площадке.

С этой мыслью Джейми Форбс засыпает.

Просыпается через пять минут, от приступа благоразумия. Ты что, рехнулся, приятель? Додуматься до такого, реальный мир не здесь, все – лишь плод твоего воображения? Ты

настолько подвержен внушению, что, как только появляется некая леди и говорит, что ничего реального нет, ты проглатываешь это одним залпом?

Снова засыпает, довольный тем, что не потерял рассудок.

Просьпается через десять секунд, а как же относительность, квантовая механика, Теория Струн? Если считать, что Внушение – бред, как быть с Наукой?

В пространстве-времени не четыре измерения, потому что на самом деле существуют одиннадцать измерений, – конечно, они упакованы в крошечные шарики, и мы их не видим. Но поверьте, они существуют!

В Космосе есть дыры, где силы гравитации так сильны, что даже свет не может вырваться оттуда.

Бок о бок друг с другом существует бесконечное число других вселенных – вселенных с совершенно отличным от нашего ходом событий, совершенно других... вселенных, где не было Второй мировой войны, вселенных, где была Третья мировая война, о которой нам ничего не известно, и Четвертая, и Пятая, вселенных, где люди точно такие же, как мы, за исключением того, что среди миллиарда их жителей тебя зовут не Джейми, а Марк и у тебя не голубые глаза, а карие.

Снова засыпает. Как это работает? Через пять минут, в досаде на себя. Это не дифференциальное исчисление, и я не какой-то там математикофоб, думал он, все предельно просто. Как мы видим то, что видим? Как художник видит картину, которую пишет? А вот как:

Художник смотрит на холст.

Окунает кисть в краску.

Наносит мазок на картину.

Художник смотрит на холст.

Окунает кисть в краску.

Наносит мазок на картину.

Художник смотрит на холст.

Один мазок за один раз.

Каждый день нашей жизни.

Вот как это работает.

Вот тебе ведро с краской, Джейми, в нем бурлят установки. Вот тебе кисть, окуни ее в то, что принимаешь за правду. Вот тебе холст: назовем его *жизнью*.

А теперь попробуй написать картину, о'кей?

Ты хочешь понять, как это работает, думал он, придется вспомнить время, когда ты еще в школу не ходил.

Меня загипнотизировали, думал он. Я знаю, каково это, из собственного опыта, объяснять не надо. Принимаешь установки, и они становятся реальностью, до последнего мазка. Тридцать лет прошло, а все еще помню. Пробриться сквозь стену Блэксмита, на сцене, не было шансов, ведь никакой стены не было. Я лишь думал, что она есть.

У некоторых фанатиков-христиан, как он знал, во время религиозных праздников на ладонях выступает кровь из несуществующих ран от гвоздей, как у Иисуса, каким его изображают на старых иконах. Собираешься сказать им на следующем съезде фанатиков, что это не кровь вовсе, а *убеждение*? Выступить перед ними с докладом: недавно было установлено, что, когда людей в те счастливые давние времена пригвозждали к кресту, гвозди вбивали не в ладони, а в запястья, так почему тогда у вас ладони кровоточат?

Ответ? Потому что мы думали, что в ладони.

Собираешься сказать человеку, умирающему от смертельной болезни, что болезни нет, что это так, его убеждение?

Вдумчивая жертва скажет: да, это мое убеждение, я в него верю и считаю, что этого вполне достаточно, благодарю вас, и собираюсь умереть от этого моего убеждения, если не возражаете, или не будете настаивать, чтобы я умер от какого-то другого убеждения, которое устраивает вас больше, или в какое-то другое время, которое лучше вписывается в ваше расписание, не в мое.

Вспомнил книги с фотографиями, которые доказывают, что субъекты загипнотизированы и убеждены в том, что их ноги крепко связаны веревками. Минуту спустя, день спустя на коже следы от веревок. К ним прикасаются кубиком льда и говорят, что это раскаленный утюг, и на коже тотчас образуется волдырь. При этом никаких веревок, никакого утюга... потрясающие силы ума.

Никаких чудес, думал он, гипноз. И не гипноз даже, эта придуманная греками мистификация, а простая обыденная *пончик-будешь?* – *да-или-нет-установка*, сотни тысяч миллиардов раз снова и снова, и большинство отвечает утвердительно. Было бы удивительно не видеть того, что нам столько раз предлагают увидеть!

Возможно ли, подумал он, что вся эта квантово-электрическая вселенная состоит из крошечных струн, как говорят, и эти струны созданы *мыслью*, а не случаем, как и атомы, порядок которых определен *внушением*, как и мы сами, не задающие вопросов, поглощающие все это, усиливающие радость и ужас верований нашей культуры, поскольку лучше усваиваем материал, когда эмоционально вовлечены, а вера без вопросов – верный способ усвоить выбранный нами урок?

Вполне может быть, вполне. Мы не проживаем много жизней, думал он, но вольны верить, что это так, каждой клеткой своего существа. Вера в реинкарнацию того же свойства: вера существует, пока мы находим это интересным, полезным и привлекательным. Привлекательность уходит – и конец играм.

Если то, что мы видим вокруг нас, создано установками, миллиардами миллиардов их, что же такое установка?

Он задумался над этим вопросом в темноте, заснул и покатился вниз по мыслям-ступеням.

Глава тринадцатая

Джейми Форбс проснулся по гостиничному будильнику, снов он не помнил. Упаковал вещи, осмотрел номер еще раз, перед тем как выйти, заметил записку на тумбочке у кровати, его почерк – как писал, не помнит – с трудом разобрал:

УстХновка = лХбой КонтХкт зХхстХвляХт нас мХнять нХХи ПрХдстХвХления!

Ага, так вот что такое установка – это все то, что меняет ход наших мыслей, – следовательно, все то, на что мы обращаем внимание. Установка – это мерцание некоего будущего, которое мы можем сделать реальным.

К тому времени, как он добрался до самолета, он уже вспомнил целый ряд *контактов*, заставивших его поменять свои представления:

фотографии, картины, фильмы, компьютеры, школы, телевидение, книги, рекламные щиты, радио, Интернет, руководства по эксплуатации, собрания, телефонные звонки, статьи, вопросы, истории, граффити, сказки, споры, научные статьи, специальная литература, меню, контракты, визитные карточки, лекции, журналы, песни, слоганы, стихи, меню, предупреждения, игры, лекции, взаимоотношения, вечеринки, газеты, случайные мысли, советы, дорожные знаки, разговоры с самим собой, с другими, с животными, вечеринки, выпускные экзамены, взгляды, школьные уроки, эмоции, случайные встречи, совпадения,

и он перелил это море в океаны, которые открыл раньше.

Каждое событие – контакт, подумал он, обходя свой T-34 и проверяя его перед полетом. Каждое – яркий отблеск, как полдень вспыхивает на бесконечных волнах, каждая милливспышка – возможность.

Опустился на колени у левой стойки шасси: так-так, тормоз, шина... Шина слегка изношена, отметил он и в свете дня осознал: это *установка*.

Каждая установка усиливает саму себя.

Шина слишком изношена?

Если ответ «да»: *Слишком изношена, следующая установка: Не взлетай. Поменяй шину.*

Чтобы поменять шину, я должен найти механика, который ее меняет, должен найти нужной марки шину, а если ее не окажется на складе, остаться по меньшей мере на ночь, чтобы ее сменить, встречаться и разговаривать с неизвестным количеством людей, которых никогда бы не встретил, если бы не необходимость поменять шину, каждый из которых может изменить мою жизнь, – одним словом, как в случае с путешественницей автостопом в Норд-Платт. Моя жизнь уже изменится, если из-за шины останусь еще на день, или три дня, или двадцать минут... новые события повлекут за собой другие новые события, каждое из которых – следствие *какой-то принятой установки*.

Или,

если ответ «нет»:

Шина в нормальном состоянии,

каждая установка усиливает саму себя.

Следующая установка:

Лети, как собирался.

(Триллион других установок в графе «Иное»: *не выбраны*. Никакого усиления, никакого

следствия.)

Но если шина лопнет во время следующей посадки, будут большие неприятности.

Установка:

Вернись к первоначальной установке.

Если ответ «да»:

Время проходит, погода меняется, солнце поднимается выше, модели установок изменяются.

Если ответ «нет»:

Продолжай.

Следующая установка:

Заканчивай предполетную проверку.

Забудь эту установку на время.

Взамен прими другую установку: подумать об этой картине, которая может показаться абсурдной, но, возможно, таковой не является.

Каждая установка каждую секунду, подумал он, каждое решение, которое мы принимаем или не принимаем, балансирует на острие решения, принятого ранее, принятое ранее решение балансирует на предыдущем; каждый раз оно избирается установкой, которую вы и никто другой считаете для себя подходящей. Никто и никогда не делает выбор за вас: когда я принимаю совет, только я решаю следовать ему. Я мог бы сказать «нет», для этого существуют тысячи разных способов.

Назови установки «гипнозом», и тотчас возникает ярлык, который ты искал, возникает модель – фрагменты мозаики соединяются. Каждый день каждый из нас все глубже погружается в собственный транс, у каждого собственная история о самом себе, в которую он верит.

Моя история на сегодня, подумал он, «Парень путешествует»: некто Джейми Форбс летит сквозь тучу решений, которые приводят к различным переменам, а те приводят к другой жизни по сравнению с той, что у него была бы, будь у покрышки на левом колесе резина на одну шестнадцатую тоньше, чем есть на данный момент.

Каждое событие вытекает из предыдущего и впадает в будущее, каждое из них со-бытие, со-впадение.

С высоты наша жизнь – это широкое поле совпадений, с цветами, которые распускаются от решений, основанных на установках, которые базируются на нашей вере в то, что мир вокруг реальность, не иллюзия... или же иллюзия, а не реальность.

Возможно, шина лопнет во время следующей посадки, но ее может хватить еще и на пятьдесят посадок, мягких посадок... Нет, не нужна мне новая шина.

Так решил Джейми Форбс в то утро, стоя на коленях под фюзеляжем. Нормальная шина. Посадка будет мягкой. Прощайте, другие жизни, которые я только что отверг.

Что она со мной сделала?

Пока я не научился управлять самолетом, все самолеты казались мне одинаковыми. Теперь нет. Пока не заинтересовался графологией, не обращал внимания на почерк. Теперь обращаю. Пока Ди Хэллок не объяснила, как устроен мир, не видел шквальных ливней установок.

Теперь вижу!

Даже знаменитый Закон Привлечения, подумал он, «Все, о чем мы думаем, становится реальностью» – это установка. Всякий раз, когда я пробую что-то сделать, и у меня получается, – это установка. Всякий раз, когда я пробую что-то сделать, и у меня не получается, – это еще одна установка. Когда я ничего не делаю, ничего не происходит... жизнь остается неизменной секунда за секундой, пока я что-то не сделаю, почему-то решив, что это неплохая мысль.

Предполетная проверка закончена, пилот забросил свой багаж в самолет, открыл фонарь^[9] и проскользнул в кабину.

Как для любого другого человека на планете, думал он, мир, который я вижу вокруг, – это то, что я вижу в состоянии транса, картина, которая материализовалась из какого-то количества триллионов принятых мной за всю жизнь установок. Скоро по моей команде он устремится вперед, со скоростью улитки или молнии.

Итак, весь мир – это принятые утверждения, и они становятся моими убеждениями, моими предположениями, моей собственной личной главной истиной.

Мои позитивные истины «я могу...» открывают путь для новых установок, новых возможностей. Мои негативные истины «я не могу...» закрывают для меня этот путь, становятся моими ограничениями.

Я гражданин психосоматической планеты, подумал он.

И что дальше?

Пилот нажал кнопку стартера, мотор вздрогнул и проснулся, восприняв свое собственное внушение.

Отложим на время реорганизацию Вселенной и немного полетаем.

Глава четырнадцатая

Он летел на юго-восток низко над безлюдной землей, реками, лесами и пустошами, лоскутками заброшенных пашен, превратившихся в луга.

Так бывает, когда летаешь во сне, только во сне не надо думать, где посадить самолет в случае, если заглохнет двигатель.

Итак, я загипнотизированный житель психосоматической планеты, думал он. Как все остальные. Ну и что с того?

В это мгновение пилот в первый раз услышал новый внутренний голос. Не обезьянью трескотню, которую он слышал постоянно, не голос второго пилота – я-поведу-самолет-вместо-тебя, не рациональное «я» – давай-придумаем-что-нибудь-вместе. Это был совершенно новый внутренний голос, принадлежащий более высокому «я», чем остальные.

И что?

А вот что, сказал он. Ты сам себя загипнотизировал, чтобы жить так, как живешь сегодня.

Вот что: ты можешь себя разгипнотизировать.

Потратить столько времени, сколько нужно, хоть все время в мире, и подумай о том, что это могло бы значить.

Форбс слегка коснулся ручки управления, блестящая голубая машина подняла нос, чтобы не задеть одинокий телефонный провод, снова снизилась и полетела над лугами. Отметил ощущение, будто быстрее летишь сейчас, при 160 узлах, всего в сорока футах над землей, чем много лет назад, когда мчался с двойной скоростью звука на высоте восьми миль. Он принял это. Это была правильная установка.

Почему после Ди Хэллок я повсюду вижу одни установки?

И как мне это сделать, разгипнотизировать себя? Повернуть всю свою жизнь вспять? Если я принял, скажем, два или три десятка миллиардов установок, которые, видимо, составляют мой мир, что я теперь должен сделать, чтобы его изменить?

Смерть это сделает.

Моментально выводит большинство из одного транса и погружает в другой. Но если ты...

...ПРОВОДА! завопило «я» второго пилота, ОСТОРОЖНО! ПРОВОДА!!

Вопить было не обязательно; пилот их прекрасно видел. У него было более чем достаточно времени, чтобы не задеть линии высокого напряжения... Т-34 легко взмыл на секунду, снова снизился и полетел над пустынными полями.

Так-то лучше, спасибо, сказал второй пилот. *Поосторожнее насчет смерти.* Здесь полно не только линий электропередач, но еще и ретрансляционные вышки повсюду – ловушки для самолетов, – помни, опасны не сами вышки...

... а кабели, которыми они увешаны. Знаю.

Прошу, перестань думать о смерти и внимательно следи за проводами. Хочешь лететь низко, хочешь любоваться пейзажами, помоги мне хоть немного.

Джейми Форбс решил задачу, взяв ручку на себя. Через минуту самолет уже был недостижим для лап большинства вышек, медленно разворачиваясь влево, чтобы следовать за течением стремящейся на юго-восток реки. «Я», отвечающее за управление самолетом, успокоилось.

В ВВС мы так никогда не летали. Взлетая с какой-либо полосы, мы знали, где приземлимся, – не важно, как далеко находилось это место. В военном плане полета нет графы «решим по ходу дела».

Теперь по-другому. На гражданской взлетаешь и летишь себе, если погода позволяет. Хочешь приземлиться, просто позаботься об этом за полчаса до места посадки. Держись заданного курса; в этой стране найдется немного мест, расстояние до которых от любого небольшого аэропорта превышало бы двадцать минут.

Его новый высший внутренний голос не интересовала тема полетов.

Хочешь узнать, как можно вывести себя из гипноза?

Не хочу, подумал он.

Глава пятнадцатая

Джейми Форбс приземлился, чтобы заправиться топливом в Пайн-Блафф, штат Арканзас, на взлетно-посадочной полосе, которая располагалась посреди обширной свежестриженной лужайки изумрудного цвета.

– Куда вы направляетесь?

– Во Флориду.

– Неблизкий путь.

– Да. Я вылетел из Сиэтла.

Смех.

– И впрямь далековато!

Несколько слов о погоде, по его просьбе – короткий экскурс в историю авиации Пайн-Блафф, заправка топливом, затем снова старт и в путь.

Высота тысяча футов, приборы в норме.

Хочешь узнать, как можно вывести себя из гипноза?

Вообще не хочу с тобой разговаривать, подумал он.

Он не это имел в виду, просто решил впредь быть осторожнее со своими установками, даже когда шутил. Слишком мощная штука.

Ну ладно, давай поговорим. После того как я примерно полвека назад дал согласие пожить как смертный, как мне выйти теперь из этого транса, не сделав себя при этом бессмертным?

– Никак.

Не понимаю.

Конечно, понимаешь. Делай то, что сказал, Джейми. Сделай себя бессмертным!

Он рассмеялся. Этот странный разговор отличался от всех других, что он вел с собой, и это было забавно.

Давление и температура масла в норме.

Как же можно стать бессмертным, не умерев? Каков твой план?

Притворись, будто все, что случилось во время этого полета, не случайно. Притворись, что это урок, который ждал нужного момента в твоей жизни, и вот это время пришло.

Прежде всего – в свете того, что ты узнал за эти двадцать четыре часа, – как ты стал смертным?

Меня загипнотизировали, подумал он, я принял пятьдесят миллиардов триллионов установок о том, что я смертный, а не чистый сияющий дух.

А как Сэм Блэк вернул тебя к реальности, когда ты знал и верил, что попал в каменный мешок?

Он щелкнул пальцами.

И тем самым напомнил тебе, кто ты, что ты купил билет на шоу, что ты сам вызвался выйти на сцену.

Выходит, я выведу себя из гипноза, напомнив себе...?

...кем ты был до того, как шоу началось. Подтверждения. Обратный гипноз. Постоянные, безостановочные утверждения. Ты выведешь себя из гипноза, отказываясь от негативных установок и подтверждая позитивные контрустановки.

Что я не смертный?

Ты и так не смертный – это факт. Хочешь узнать, что при этом чувствуешь? Откажись от установок, что ты не дух, утверждай, что ты как раз и есть дух, всегда им был и всегда будешь, несмотря на то что ты дух, который выбрал Игру в смертность.

У каждого игрока есть жизнь за пределами Игры. Даже у тебя.

Интересно. Он достал из кармашка на рукаве карандаш, записал мысль на карте, неподалеку от городка Гроув-Хилл, штат Луизиана:^[10]

Я дух. Отрицаю все остальное.

Например?

Например, все «напримеры».

Например, отрицаю... что я ограниченный разум, скованный в ловушке ограниченного тела, подверженный болезням, авариям и окончательному разрушению.

Хорошее отрицание, Теперь, пожалуйста, позитивное утверждение.

Он задумался.

Я уже дух, здесь и сейчас. Совершенный. Бессмертный.

Неплохо. Определяя себя, говори вместо «скованный» – свободный. Повторяй это снова, снова и снова, без усталости, отвергай установки о том, что ты смертный, как только они поступают. Постоянно осознавай мельчайшие внушения, которые могут тебя умалить.

Зачем?

Хочешь знать зачем, смотри, что происходит, когда ты это делаешь.

А как мне убедиться, что эти перемены откроют истину, а не очередную ложь?

Загипнотизированный, не узнаешь. Ты не можешь доказать, что ты дух. Чтобы не выглядеть глупо, большинство людей принимают установку, что они не более чем тело, которое убивает время, пока время не убьет их.

Но это не так.

Куда спешить? Ты докажешь, что ты дух, когда умрешь.

Хочешь, чтобы я выглядел глупо?

Я не верю в тела, Джейми, это ты в них веришь, поэтому тебе придется мне сказать. Разве трудно отождествлять себя с несокрушимым духом, а не с ускользающими верованиями пространства-времени?

Какое странное сознание, подумал он, у этого высшего «я».

Слушай, если я бессмертен, зачем ты велел мне быть осторожнее с проводами?

Я не велел. Это твой хорошо обученный второй пилот. Будь осторожнее со своим убеждением в собственной смертности на пороге открытия того, как изменить свою жизнь, избавиться от гипноза. Пока ты веришь, что подвержен случайной смерти, он бьет тревогу всякий раз, когда она...

ОСТОРОЖНО! ВЫШКА!

Пилот оторвал взгляд от приборов, повернул голову налево, направо, посмотрел вверх, вниз в поиске проводов!!

Шутка, сказала его высшее «я».

Глава шестнадцатая

Пожухлые луга внизу сменились зелеными холмами и фермами.

Температура головок цилиндров и выхлопных газов – норма.

ЗП. Проверь еще ЗП. Ты знаешь, как он действует.

Понятия не имею, подумал пилот, наслаждаясь этой новой стороной себя. ЗП. Запасная Полоса? Зубчатая Передача? Зов Природы?

Закон Привлечения.

Вон оно что. *Закон Привлечения*: всякая устойчивая мысль рано или поздно становится реальностью.

ЗП. и ТТЗ.

Что такое ТТЗ?

Теперь Ты Знаешь.

Теперь я З – что?

Разве ты не понял еще, Джейми? Думаешь, она пришла в твою жизнь случайно?

Он знал, что она пришла в его жизнь не случайно, но в этот полдень мысли его были заняты не тайной появления Ди Хэллок.

Высшее «я», видишь ли, я сейчас занят управлением самолетом. Может, скажешь простыми словами, что у меня... у нас на уме?

Насколько мне известно – а известно мне многое, – управление самолетом требует от тебя всего два процента твоего внимания. Это ведь не ты летишь, а он. Ты только направляешь самолет, и когда ему задан правильный курс...

Ладно, беззвучно закричал он, я сам сейчас тебе все расскажу!

Он не знал, что именно он знает, но в момент, когда он начал говорить, смутные догадки оформились в слова. Такое столь часто срабатывало на протяжении его жизни, что он положился на этот странный процесс в очередной раз и запустил его, переключая рычаги, превращая мысль в слова.

– Какая может быть связь между тем, что мир представляет собой принятые мной установки, и *Законом Привлечения*, – сказал он вслух, и в ту секунду, когда произнес «связь», все встало на свои места, все окончательно оформилось и стало для него истиной. Почему я не видел этого сто лет назад?

Закон Привлечения: Все, что мы постоянно визуализируем, все, о чем постоянно думаем, рано или поздно становится реальностью.

– плюс –

Гипноз – это визуализация, фиксирование мысли на чем-то: это *Закон Привлечения* со сверхмощным зарядным устройством. Под гипнозом мы видим, слышим, ощущаем запах, трогаем установки, которые допускаем в свой ум не рано или поздно, а в данную минуту.

К счастью для Джейми Форбса самолет реагирует на мысль не быстрее чем ЗП, иначе Т-34 исчез бы в воздухе в результате внезапного взрыва понимания.

В ЗП нет ничего магического, это не какая-то тайная космическая загадка. *Закон Привлечения* – это когда ты постоянно думаешь о принятых установках. ЗП – акроним «Я впадаю в транс от каждой установки, которую принимаю».

Закон Привлечения. Получается, что... так это же и есть определение гипноза!

А точнее, подумал он (иногда его ум обладал точностью), *Закон Привлечения* – это самогипноз, создающий то, что со временем смогут увидеть и другие люди.

Это может поразить только тех, кто убежден, будто мир построен из дерева, камня и стали. Это изумляет, только если мы никогда не задумывались: а вдруг мир совсем не такой, каким нам кажется.

Иначе *Закон Привлечения* звучит как банальность, ведь и так понятно, что все мы субъекты в трансе и видим только то, что согласились видеть.

* * *

Он зашел на посадку в Маги, штат Миссисипи, получая удовольствие от сложности посадки с севера при сильном западном ветре.

Решил проблему, применив скольжение на глиссаде, – образовавшийся левый крен позволял держать машину в боковом ветре ровно по полосе. Вот левое колесо коснулось земли... потом правое... и наконец носовое. Сели.

Он заправил бак горючим, вызвал такси до мотеля, все это в атмосфере понимания, трансе грозы.

Зарегистрировался, получил ключ от номера, прошел мимо стойки с книгами в бумажных переплетах.

Купи эту книгу, подсказало что-то.

У меня уже есть с собой книги. Тень старого «я», которому требовалась причина, когда речь шла даже о незначительном выборе.

Все равно купи книгу, ту, в синей обложке.

Он так и сделал, радостно удивляясь зачем.

У себя в номере он, подойдя к стене, мягко надавил плечом.

– Это так... *просто!*

В самом деле, заряжен до предела. *Так вот как устроен мир!*

Он мог творить чудеса.

– Привет, Гвендолин Хэллок! – сказал он вслух.

Он почувствовал ее улыбку, мысленно услышал голос:

Держу свое обещание.

– Привет, Великий Блэксмит!

Мы были с вами знакомы до сегодняшнего вечера?

– Были, – негромко крикнул пилот, – мы были знакомы, Сэм Блэк, были!

И все же открой книгу.

Пилот поднял книгу со стеганого покрывала, куда он ее бросил, открыл наобум, с нетерпением, с надеждой. Строки, которые он прочел, были написаны научным языком, плотным и реальным, как ломоть черного хлеб для голодающего:

Мы – фокальные точки сознания, чрезвычайно креативные. Входя в построенную нами самими голограмматическую область, которую мы называем пространством-временем, мы тотчас начинаем генерировать частицы креативности, имаджоны, в виде неистового непрекращающегося пиротехнического потока.

Имаджоны не имеют собственного заряда, но сильно поляризуются посредством наших отношений и силы нашего выбора и желания, образуя тучи концептонов, семейства высокоэнергетических частиц, которые могут быть положительными,

отрицательными или нейтральными.

Отношение, выбор, желание, думал Джейми Форбс. Конечно! Сознаю я это или нет, понимаю или нет, но это то, что определяет, какие установки я принимаю. Они воздействуют на эти маленькие струны, эти частицы мысли, которые автор называет... как это там? Он снова заглянул в книгу: *имаджонами*.

Наиболее распространенными положительными концептами являются оживлоны, возбуждоны, восторжоны, веселоны. Распространенные отрицательные концепты включают угрюмоны, страждоны, гореоны, несчастоны.

То, что я сейчас чувствую, подумал он, наверное, эти самые возбуждоны.

Бесконечное множество концептов создается в процессе постоянного потока, оглушающий каскад креативности выплескивается из каждого центра личностного сознания. Они с потрясающей скоростью образуют тучи, которые могут быть нейтральными или сильно заряженными – плавучими, невесомыми или инертными, в зависимости от природы их доминантных частиц.

Каждую наносекунду бесчисленное множество туч концептов достигает критической массы, путем квантовых выбросов они трансформируются в высокоэнергетические волны вероятности, проходящие со скоростью тахиона через бесконечный резервуар, перенасыщенный чередующимися событиями.

На секунду страница исчезла, и в своем воображении он увидел фейерверки – фильмы, снятые с помощью электронных микроскопов на орбите.

В зависимости от их заряда и природы волны вероятности кристаллизуют некоторые из этих потенциальных событий в соответствии с ментальной полярностью создающего их сознания и придают им голографическую форму.

Именно так я начал водить самолеты. Ментальная полярность. Визуализация. Мои собственные установки превратили частицы мысли в... как там он это называет? *В волны вероятности*. Этот парень, сам того не зная, объясняет, как это все работает, ежедневный гипноз, установка, *Закон Привлечения!*

Материализованные события становятся опытом ума, испуганного всеми аспектами физической структуры, требуемой, чтобы сделать их реальными и познавательными для созидющего сознания. Этот автономный процесс, подобно фонтану, орошает каждый объект и событие в театре пространства-времени.

Каждый объект? Конечно, при условии нашего согласия и визуализации. Каждое событие? Разве события не являются объектами, при ближайшем рассмотрении действующими вместе?

Убедительность имаджонной гипотезы основана на ее способности к личному подтверждению. Гипотеза предполагает, что, когда мы фокусируем свое осознанное намерение на позитивном и жизнеутверждающем, когда мы сосредоточиваем свои мысли на этих ценностях, мы поляризуем массы позитивных концептов, реализуем благотворные волны вероятности, вызываем в нашу жизнь полезные чередующиеся

события, которые иначе бы не произошли.

Да это не просто гипотеза, подумал он, это работает. Достаточно убедительно, подумал он. Реальные законы, вы можете доказать их сами.

Обратное в такой же степени справедливо для продуцирования негативных или – в промежутке между ними – заурядных событий. Намеренно или по ошибке, безотчетно или с умыслом, мы не только выбираем, но и создаем все внешние условия, которые в наибольшей степени резонируют с внутренним состоянием души.

Вот в чем все дело. Вот тебе и «ну и что» – мы творим. Наше внутреннее состояние бытия. То, что кажется нам Внешним.

Никто не пассивен, никто не сторонний наблюдатель, никто не жертва.

Мы творим. Предметы, события. Что еще? Уроки. Предметы и события – это опыт, который мы переживаем, и уроки, на которых мы учимся. Или не учимся, и в таком случае создаем другие предметы и события и снова себя испытываем.

Совпадение? Из всех страниц, которые он мог бы открыть в книге, купленной *случайно*, его палец оказался именно на этой странице из... – он заглянул в конец книги – из трехсот девяноста семи. Шансы четыреста к одному. Он выбрал именно эту книгу из... какого количества книг? Нет, это не совпадение, подумал он, это судьба и *Закон Привлечения* в действии. Это была *ее* теория.

Уже не теория, тихо шепнула *она*, а Закон.

Глава семнадцатая

На следующее утро, сняв и уложив брезент, Джейми Форбс, слегка обеспокоенный прогнозом погоды, снова забрался в кабину своего самолета. Формировался холодный фронт, тучи сгущались над Алабамой, ожидалась грома с килотоннами молний, бушующих там наверху. Не самая приветливая погода для маленьких аэропланов.

Смесь – ОБОГАТИТЬ

Шаг винта – МАКСИМАЛЬНЫЙ

Магнето – ОБА

Аккумулятор – ВКЛ.

Вспомогательный насос – ВКЛ., два-три-четыре-пять... ВЫКЛ.

Зона винта – ЧИСТО

Стартер – ВКЛЮЧИТЬ

И появился с грохочущим звуком пляшущий сизый дымок у винта.

Он взлетел, держа курс на юго-восток, наблюдая за погодой впереди, белые облака, несколько темных туч. Интересно, удалось бы выполнить полет по приборам в ситуации, что намечалась впереди?

Строгие правила слепого полета не позволяют включать в голове «автопилот», нет простора для посторонних мыслей. Он выбрал обычный режим визуального полета и решил держаться подальше от туч, поскольку такие полеты оставляют больше возможностей для маневра и интереснее, чем слепые полеты, которые подразумевают точное следование показаниям приборов, когда вокруг ничего не видно.

Чарльз Линдберг^[11] подумал он, не мог лететь по чартерной авиатрассе из Нью-Йорка в Париж в 1927 году. Линдберг создал собственную авиатрассу.

Он набрал комфортную среднюю высоту, пять тысяч пять, с ловкостью орла обогнул тучи с помощью S-образных разворотов, внизу лоскутное одеяло лугов и пашен, вверху райское лоскутное одеяло неба. Есть где разогнаться вверх, есть где парить, лавировать между ватными клубами над Миссисипи, устремляясь на восток.

Кому-то пришлось бы принять вызов стать таким человеком, подумал он. В этом не было предопределения, не было *долженствования*. Когда Линдберг начал летать, он был таким же никому не известным парнем, как все другие летчики-ученики. Ему приходилось принимать одно решение за другим, чтобы стать человеком, который своим полетом изменил мир.

Давление и температура масла – в норме. Обороты, подача топлива, температура выхлопных газов...

Линдбергу нужно было пройти каждый шаг, отношение-выбор-желание тысячи раз снова и снова, чтобы проявить триллионы *имаджонов* для начала в пятьсот долларов наличными, затем овеществить их в биплан *Кертисс Дженни*,^[12] использовать его для развлекательных полетов, обучения летчиков, перевозки почты. Во время этих полетов он и загорелся идеей совершить первый перелет через Атлантический океан в одиночку, на маленьком самолете, не на большом.

Ему надо было выбирать между установками «ты можешь это сделать» и «ты не можешь», отвергать одни и лелеять другие. Когда он выбирал «ты можешь», он должен был представить будущее (тучи *оживлонов* бурлят, устремляются наружу): нужно будет построить самолет, что-то наподобие М-2, почтового самолета фирмы «Клод Райен»^[13] например, но только с одним сиденьем, все остальное – не почта, а... *топливо* (взрыв *возбуждонов*)!

Наверняка это пришло ему в голову в воздухе, во время развлекательных полетов, когда его внутренний второй пилот выполнял фигуры высшего пилотажа или перевозил пассажиров.

Скажем, сто миль в час, это будет тридцать пять часов до Парижа; тридцать пять часов лёта при расходе, скажем, двенадцать галлонов в час будет... четыреста двадцать – пятьсот галлонов топлива. Если галлон весит шесть фунтов, это три тысячи фунтов топлива. Нужно разместить топливо по центру тяжести, чтобы самолет сохранял равновесие при полных баках и при пустых. Это должен быть летающий топливный бак. Что ж, это возможно, возможно...

Интересно, слышал ли Линдберг посвистывание и потрескивание *концептонов* сквозь гул двигателя?

Он относился к подготовке самолета со всей серьезностью, понимая, что рискует оказаться «тем самым Чарльзом Линдбергом, который рухнул в океан из-за безумной затеи совершить перелет на одномоторном самолете – моноплане, заметьте, – когда каждому известно, что для такого перелета необходим биплан с несколькими двигателями. До Парижа на одном двигателе – сумасшедший, вот он кто, и теперь среди летчиков меньше на одного Чарльза... как там его?»

Чтобы не стать «тем самым Чарльзом», пилот почтового самолета, должно быть, подумал: у моего самолета должен быть надежный двигатель, может, новенький мотор *Wright Whirlwind*.

Выбор за выбором, фантазоны становились мыслями идеями линиями на чертеже стальным каркасом обтянутым тканью, пока не появился на свет «Дух Сент-Луиса».^[14]

Пора забраться повыше, решил Джейми Форбс, тучи впереди надвигались сплошной стеной.

Смесь, шаг винта, газ – все на полную. Так проходил день Джейми Форбса, полный размышлений, набор высоты до двенадцати тысяч, тучи остались внизу, солнцезащитный щиток шлема опущен, чтобы защитить глаза от яркого света.

Кто-то должен был выбрать стать Чарльзом Линдбергом, который принимал собственные установки, гипнотизировал себя, чтобы сделать то, что он хотел сделать, и, между прочим, войти в историю. Из всех людей на свете тот, кто принял такое решение, был парень внутри ума Чарльза Линдберга.

Какие установки я выбираю принять, думал он, что я решил изменить? Кем я решил стать?

Глава восемнадцатая

На юге верхняя кромка облаков становится все выше, двадцать пять тысяч футов, прикинул Джейми.

Можно подняться еще тысяч на пять, если надо, подумал он. Если между облаками будут просветы, можно нырнуть под нижнюю кромку. Если придется, можно лететь по приборам.

Накануне ночью он приготовил запасной план. Один радиовывоз – и он может лететь не куда захочет, а в соответствии с зарегистрированным планом по согласию с центром управления полетами: полетит по оси авиатрассы в Марианну, штат Флорида, не огибая облака, прямо сквозь мглу.

Это был план «Б». А пока он летел на высоте двенадцать пять в ясном небе, увертываясь от верхней кромки облаков.

Великий Блэксмит разгипнотизировал себя до того, что вышел из тела. Мне это не нужно. Мне слишком нравится здешняя Игра, нравится работать инструктором, водить самолеты.

И когда Сэм обессмертил себя, расторгнув соглашение с одной из всеобщих установок-соглашений, не угодил он тут же в другую установку – некую установку об Играх по ту сторону?

Тогда появляется целый новый набор возможностей, которые можно принять или отклонить: верить, например, что теперь мы духи, на которых не распространяются ограничения для смертных – законы, которые были незыблемы час назад.

Убеждения других не влияют на мою жизнь, подумал он, пока не становятся и моими убеждениями.

Убедившись, что мы духи, мы сможем проникать сквозь стены, перестаем бояться внезапной грозы, болезни, старости, войны. Нас нельзя похоронить, застрелить, утопить, раздавить, взорвать, замучить, отравить, одурманить, приковать цепями, сломать, задушить, переехать, заразить, поймать в ловушку, посадить на цепь, убить электрическим током, посадить в тюрьму, разорвать, избить, повесить, казнить на гильотине, заморить голодом, оперировать, нами нельзя манипулировать и с нами больше ничего не сможет сделать никакой отдельный человек, организация или правительство на земле, или галактика, или вселенная, или даже закон пространства и времени.

Однако есть обратная сторона: бестелесные духи не принимают наших установок, они не играют на нашем игровом поле. Конечно, они могут по нему передвигаться.

Использовать его как смертные, для обучения? Не разрешается.

Сэм это сделал, а другим духам предстоит *выбрать верить*, что они стали выпускниками школы пространства-времени, поразмыслить о том ценном, чему они научились, и об уроках, которые не усвоили в прошедшей жизни.

Успею сделать выбор, когда туда попаду, подумал пилот. А пока есть задачи попроще.

Вот высотомер, к примеру: чистой воды фантом, и его несуществующая стрелка в несуществующем, внушенном мне приборе показывает двенадцать тысяч шесть. Моя вера в него материализовалась круглым стеклышком, черным циферблатом, диском с черточками. Он не то, чем кажется. Это *имаджоны* сгруппировались, чтобы выглядеть высотомером.

Прибор не существует, а кабина, а самолет, а мое тело, а планета, да и вся физическая вселенная? Установки. Перемещаю облака мыслечастич, думаю о том, что считаю настоящим.

Что же *реально*?

Он посмеялся над собой, две мили в воздухе. Еще вчера он был счастлив зарабатывать на жизнь, занимаясь любимым делом. Установки, и гипноз, и частицы мысли делают мир твердым, подобно тому, как частицы камня делают твердым камень, – все это было для философов,

которые смахивают пыль в башнях из слоновой кости метелками из перьев.

Теперь я считаю, что камень – это гипнотическое внушение, и задаюсь вопросом: если камень нереален, что же реально?

Что ты сделал со мной, Блэксмит? Все шло гладко и нормально в течение пятидесяти лет, потом сталкиваешься с невинной установкой, что мир не такой, как ты думаешь, и – БАЦ! – все меняется!

Выше носа и впереди он увидел, что облачность уже не сплошная, а рваная. Просветы. Хорошо.

Все правильно, подумал он, все меняется. Живи с этим.

Он опустил немного нос, скорость воздушного потока увеличилась со 185 узлов до 200.

Реально то, что не меняется. Чтобы это понять, не надо быть конструктором космических кораблей; достаточно быть простым пилотом самолета. Если что-то *было* реальным, но сейчас нет, значит, это больше не реально, и снова возвращаешься к тому же вопросу: «Что реально и остается реальным *всегда?*»

Он обогнул верхушку облака, водяная пыль С шипением сорвалась с конца крыла.

Что-то ведь реально. Бог, чем бы Он ни был. Любовь?

Нет нужды знать, что вечно, в эту минуту. Придет время, и я это узнаю.

Что важно сейчас? Если не надо выводить себя из гипноза и покидать эту планету в стиле Сэма Блэка, может, перегипнотизировать себя? Я могу выбирать, в каком трансе я хочу жить. Со временем могу поместить себя в любой рай или ад, в который захочу верить, прямо здесь, на земле.

Топлива осталось на час сорок. Облака раздвинулись, обнажив внизу аэропорт Марианны. Джейми еще больше наклонил нос машины, скорость возросла до 210.

Интересно, как это будет, как я захочу жить? Пока это будет благополучная посадка в конце полета, еще один перелет до дома, а затем...

А что затем?

Долгая тишина в его уме.

Чего бы я ни захотел, что бы я ни *наимаджонил*, жить будет интересно.

А что самое лучшее, самое счастливое?

У меня и сейчас все это есть. Прекрасный брак, отличные ученики, самолеты, чтобы летать, никаких аварий, приличный заработок. Да достаточно уже одного неба!

Все скоро изменится, и вдруг я думаю, что знаю, как устроен мир, что все это меняет во мне?

Он поднял солнцезащитный щиток на шлеме, заглянул в зеркало на перемычке фонаря кабины и увидел себя, не слишком изменившегося по сравнению с утром.

Знание – это изменение. Кто-то проводит жизнь на земле, однажды отправляется в летную школу, получает лицензию пилота. Что изменилось? Заглянув в зеркало, сказать трудно, но теперь этот кто-то способен творить то, что раньше считал чудом.

И я тоже, подумал Джейми Форбс. И я тоже.

В аэропорту Марианны он купил сэндвич и пинту^[15] молока. После того как баки самолета были залиты и заправщик уехал, он сел под крылом и развернул сэндвич.

Итак, я знаю, как это работает. Я могу изменить все, что *кажется существующим*, когда захочу. Но что именно следует изменить? Какие установки я должен дать самому себе? Должен ли я принять их, признать реальными в своем трансе и просто наблюдать за сдвигом мира вокруг меня?

Он развернул аэронавигационную карту Джексонвилла, зеленым цветом со штрихами обозначены небольшие возвышенности, просто голубым – Мексиканский залив. Он достал из кармашка на рукаве ручку и занес ее над голубым.

Если бы я себя гипнотизировал, какие установки мне хотелось бы осуществить? Он написал на карте аккуратными печатными буквами:

- ◆ Пусть все, что будет происходить вокруг меня, будет всем во благо.
- ◆ Пусть люди будут так же добры ко мне, как и я к ним.
- ◆ Пусть *совпадение* поможет мне встретиться с теми, у кого есть урок для меня и для кого у меня есть урок тоже.
- ◆ Пусть у меня будет все необходимое, чтобы стать тем, кем я выберу стать.
- ◆ Я буду помнить, что создал этот мир и что могу изменить и улучшить его, изменив свою установку, когда пожелаю.
- ◆ Пусть снова и снова буду я видеть подтверждение тому, что мир меняется согласно моим планам, и эти перемены даже лучше, чем я представлял.
- ◆ Пусть ответы на любой вопрос приходят ко мне изнутри по возможности в ясной форме, быстро и без задержек.

Он поднял ручку, перечитал написанное. Ну что ж, подумал он, для начала неплохо. Если бы я был своим собственным гипнотизером, мне бы эти установки понравились.

Потом он сделал нечто странное. Закрыв глаза и представил, что высший дух в эту минуту сидит рядом с ним, под крылом самолета.

– Есть что-нибудь еще, – прошептал он, – что хорошо бы добавить?

Ручка словно ожила у него в руке и начала писать сама, более крупным, чем его собственный, почерком:

- ◆ *Я идеальное выражение идеальной Жизни, здесь и сейчас.*
- ◆ *Каждый день я узнаю все больше о своей истинной природе и силе, которая мне дана над миром явлений.*
- ◆ *Я глубоко благодарен моему высшему «я» за родительскую заботу и руководство в моем путешествии.*

Потом она замерла. Пока ручка продолжала двигаться, ему казалось, будто он стоит в научном музее рядом с каким-то гигантским генератором Ван де Граафа, электричество пробегало по его телу, волосы шевелились. Когда ручка замерла, энергия исчезла.

Уфф... подумал он, что это было?

Посмеялся над собой. Ответ на вопрос «Что-нибудь еще надо добавить?».

Глубоко из подсознания тихо прозвучало:

Ответы существуют до того, как ты задаешь свой вопрос. Ты ведь сам хотел, чтобы

было быстро, без задержек. Если надо помедленнее, пожалуйста, отметь это в своем запросе.

Он выбрался из-под крыла самолета.

Казалось, мир был не совсем таким, как минуту назад.

Он не совсем понял значение странного выражения «родительская забота», и он забыл поблагодарить того, кто писал эти слова, кем бы он ни был.

Глава двадцатая

Рожденный в воздухе на юге от Марианны, грозовой фронт свирепо сверкал молниями. Темно-красной индикацией опасности они вспыхивали впереди по курсу. Бортовой навигатор GPS показывал верхнюю границу фронта на высоте сорока двух тысяч футов.

Джейми Форбс на время забыл об установках. Под гипнозом или без него, когда летаешь на маленьких самолетах, грозы – дело нешуточное, и эти монстры занимали все его внимание.

Маленький T-34 не мог забраться выше грозового фронта, и Джейми выбрал тысячу футов. Маленький самолет летел быстро, маневрируя между темными колоннами дождя.

Тяжелые капли ударялись о корпус самолета все сильнее, вымытые под давлением крылья и фонарь чистые и блестящие, когда он повернул назад в направлении чистого неба.

Никаких слепых полетов сегодня, подумал он. У него чудесный маленький GPS, но летать по приборам в грозу, когда экран вдруг в самую неподходящую минуту гаснет... тут уж не до смеха.

Почему приборы почти никогда не выходят из строя в погожие дни, когда они вообще не нужны? Не то чтобы всякий раз при непогоде нельзя было на них рассчитывать, но такое происходит слишком часто, чтобы перестраховаться и иметь запасной вариант.

С запасным вариантом именно сейчас у него было плоховато. Внизу, куда ни бросишь взгляд, обширные леса вирджинских сосен, путь назад в Марианну преграждают серебристые кольчуги облаков. Не везде облачность ужасная, видимость около мили – лететь можно, но на быстром самолете делать это небезопасно.

Он потянул с пола карту, определил свое местоположение. Ближайший аэродром в шести милях на юго-запад. Он посмотрел в ту сторону и увидел, что там все окутано завесой дождя.

Как-то во времена молодости он попытался сесть во время грозы, и с тех пор у него стойкая установка больше никогда не пытаться.

Следующий ближайший аэропорт в Кросс-Сити, пятнадцать миль на юго-восток, небо заволакивается облаками, гроза надвигается с запада. Он полетел в том направлении, летел не прямо по курсу, а зигзагами от одного аэродрома к другому, как лягушка, которая скачет с одного листа кувшинки на другой.

Когда все аэропорты впереди закроются из-за грозы, решил он, сяду в последнем, который будет открыт, пережду на земле, пока гроза не уйдет. Пора.

За десять миль до Кросс-Сити он увидел грозу, черную как полночь.

Успеешь, если поторопишься.

Газ на полную, самолетик опустил нос и понесся вниз со скоростью 190.

Он сказал вслух без улыбки: «Мое высшее „я“ на этот раз чуть меня не подвело...»

Через восемьдесят секунд он увидел взлетно-посадочную полосу Кросс-Сити и грохочущую раскатами грома стену дождя, которая, словно тысячефутовая приливная волна, надвигалась с запада. Внизу в темноте сверкали и ветвились молнии.

– Трафик Кросс-Сити как слышно Бич три четыре Чарли полтора километра северо-восток.

Прием – полоса два один Кросс-Сити трафик разрешаю.

Разрешают. Будто есть сейчас хоть какой-то трафик на посадку. Только сумасшедший в такое время может играть с бурей на грани фолла.

«О-хо-хо... – подумал он. – Это я, Джеймс Форбс».

T-34 ринулся вниз к полосе на скорости около 200 узлов.

Газ на холостые, нос приподнять, повернуть на ветер, убрать лишнюю скорость небольшим набором высоты, шасси, закрылки выпустить, теперь нос вниз, крутой финальный разворот...

полоса внизу ходит ходуном, ловя его, чтобы встретить, серая от ливня.

Через несколько секунд после того, как индикаторы подтвердили выпуск шасси, шины брызнули по мокрой бетонке.

А еще через минуту, руля [\[16\]](#) к ангару, Джейми стал похож на золотую рыбку в прозрачном воздушном аквариуме. Потоки с ревом барабанили по стеклу так, что он не слышал, затих ли двигатель. Лопасты еще вращались, дальше винта не видать ни зги.

Он затормозил на рулежной дорожке, не обращая внимания на бурный водопад, аккуратно сложил карту; молния ударила где-то совсем рядом, от грохота грома самолет подпрыгнул на колесах.

На полях карты, печатными буквами:

Я глубоко благодарен моему высшему «я» за родительскую заботу и руководство в моем путешествии.

В безопасности среди разбушевавшейся стихии он впервые обратил внимание на слово «родительская».

Глава двадцать первая

Из-за съезда коннозаводчиков Юго-Востока в соседнем Гейнсвилле свободных мест в мотелях Кросс-Сити не было. Все служащие отелей были вежливы (*Люди всегда так же добры ко мне, как я к ним*), но все говорили, что мест нет – ни обычного номера, ни апартаментов, ни чулана, ни собачей конуры – и не будет до понедельника.

Он решил, что переночует, расстелив свое походное одеяло под крылом самолета, молясь, чтобы было сухо, и о южном ветре поутру.

С сухой погодой почему-то не материализовалось, зато с москитами – вполне. Не успело стемнеть, как они вынудили его отказаться от мысли ночевать под крылом. Он сбежал в кабину, закрыл фонарь от этих кровопийц поплотнее и устроился на заднем сиденье слева, вытянулся, насколько это было возможно, упираясь ногами в нишу педали руля направления.

Чтобы скоротать время, стал с ручным фонариком читать «*Руководство пилота Бич Т-34*», двести четырнадцать страниц захватывающего текста с фотографиями. Успел прочитать тридцать три страницы, пока свет не потускнел и батарейки не сдохли окончательно.

Один, тесно, жарко, влажно, темно; десять часов до рассвета. Ты это имел в виду, когда принимал установку изменить мир вокруг тебя?

Ты не давал установку на удобную постель каждую ночь, сказал кто-то. Ты давал установку на другой мир, – мир, который был бы, по-твоему, настоящим. Получи. Если не хотел трудностей, надо было так и сказать. Если не хотел неудобств, надо было это уточнить.

Он подумал, не поискать ли запасные батарейки для фонарика и не добавить ли к списку установок «Я не буду испытывать неудобств». Один, в жаре, в тесноте, взмокнув и почти задыхаясь в закрытой кабине, он улыбнулся при мысли об изменении списка установок самогипноза.

У Меня Всегда Будет Полно Прекрасной Еды, и, кстати, Я Всегда Буду Спать По Утрам, Сколько Хочу, Мне Никогда Не Нужно Будет Выносить Мусор и Оплачивать Счета.

Тот, кто расположился бы на ночевку поблизости, услышал бы в ночи, как он смеется.

Глава двадцать вторая

Он почти запомнил сон, но не совсем. За час до восхода пилот заснул. Он снова ходил в школу, во всяком случае, он был в пустом помещении, уставленном классными досками.

На досках были тысячи слов, но все затертые, ряд за рядом следы стертых, написанных мелом слов. Прежде чем проснуться, он увидел одну доску, с одним словом, но не написанным мелом, а высеченным в камне: *ЖИЗНЬ*.

У него было полсекунды, чтобы увидеть его, прежде чем доски закружились и исчезли, а он проснулся с началом рассвета, слегка окрасившим чистое темное небо на востоке.

Джейми Форбс был человеком, который не помнит своих снов, поэтому он вцепился в этот последний фрагмент и держал его в памяти, пока тот не растворился в рассвете.

Сон – ответ на мой вопрос. Наконец-то!

Теперь, удерживая ответ, он стал искать вопрос. Жизнь, *думал он*. Жизнь-жизнь-жизнь... Мне записать? Чувствуя себя глуповато, Форбс разложил карту на консоли правой панели и вывел на ней:

Жизнь.

Казалось очень важным помнить это. Минута за минутой, это выглядело все глупее. *Жизнь*. Ладно. Секунды тикали. «Ладно» стало «И что теперь», а потом «Ну и что?». *Жизнь*. Хорошее слово, но немного не хватает контекста.

Он выбрался из кабины на свежий воздух, москиты исчезли, кренделек превратился в сухарик. От крыла до земли было два фута, ему показалось, все четыре.

Уф, ну и ночка. Боже, как сковало и как ноет все тело!

На рассвете, прежде чем принять свои оковы за реальность... НЕТ! Я не стану повторять за тобой! Я отвергаю твою дурацкую установку насчет моих ощущений я не стану убеждать себя будто я болен ограничен несчастен. Вовсе я не скован... наоборот. Я идеальное выражение идеальной жизни, здесь и сейчас. Этим утром я гибок, как змея. Ноль боли, ноль дискомфорта. Я прекрасно себя чувствую, полон энергии, умен, бдителен, отдохнул и готов к полету!

С одной стороны, он отдавал себе отчет, что *играет* в разгипнотизирование, с другой – надеялся, что это сработает.

К его изумлению, сработало. Одеревенение исчезло, испарилось в первую же половину первой секунды, когда он отогнал установку вместо того, чтобы прижать к своей шее, как какого-то приятеля-вампира.

Перед самым восходом он попробовал как обычно пройтись, и словно произошло какое-то чудесное библейское исцеление – он мог идти легко, свободно и естественно.

Аплодисменты с внутренней галерки. Результат поразительный, все произошло рефлекторно: почти мгновенное отрицание негативной установки, утверждение истинной природы, установка растворилась в лимбе отрицания, способность ходить восстановилась за секунды.

Этот мир и вправду не такой, как кажется, подумал он, делая пробежку по рулежной дорожке и наслаждаясь победой. Если установок все равно не избежать, почему бы не воспринимать радостные, а не мрачные? Или здесь что-то не так?

Посмотрим на это таким способом: я себя переключаю. Каждый раз буду менять негативную энергию на позитивную и посмотрю, что получится. Бог знает, за свою жизнь я накопил достаточный опыт падений, настала очередь взлетов.

Ощущение странное. Неужели такая простая вещь...

Он резко оборвал себя. Вовсе ничего странного! Естественное восприятие, нормальное,

очень правильное!

Он улыбнулся себе. Не будем слишком увлекаться...

Нет! Я уже увлечен переключением себя. Это работает! Пропускаю через свои врата только позитивные жизнеутверждающие установки!

Оставляю за собой право отклонять негативные установки, откуда бы они ни поступали.

Ну, рявкнул этот отважный злюка-оптимист внутри него силам тьмы, какую еще гадость вы мне приготовили? Выкладывайте. Не тяните!

Джейми Форбс посмеялся над борьбой, происходящей у него в уме, сделав ставку на нового игрока.

Спасибо, мысленно сказал он, обращаясь к учителю внутри себя. Я надеюсь, ты увидишь большие перемены, и начнутся они прямо сейчас.

Глава двадцать третья

После гроз небо распахнулось во всю ширь. «Строго чистое», как говорят пилоты, на всем юго-востоке.

Можно ожидать небольшого скопления кучевых облаков ближе к двенадцати, подумал Джейми Форбс, планируя полет. Кучевые облака снова соберутся в грозовые к середине дня.

Когда солнце расчистило горизонт на востоке, Т-34 был уже в небе и набирал высоту, держа курс на юг. Воздух прохладный и гладкий, как намазанный маслом лед. Он визуализировал обратный перелет домой, идеальную посадку, руление в ангар.

Высота три тысячи пять, ехидная часть его ума стала выступать как адвокат дьявола, и он вытолкнул его на сцену.

Мягкая посадка? Что-нибудь наверняка пойдет не так, двигатель заглохнет, проводка погорит, маслопровода прорвет, шасси в нишах застрянут.

Он ждал, когда оптимист внутри него ринется в атаку на эти темные мысли, отменяя их все. Ничего не произошло.

Маслопровод может выйти из строя.

Может.

Разве ты не скажешь «Невозможно»? Разве Негативные разрешены?

Что негативного в том, что мотор может отказать? Отчасти ты любишь летать потому, что любишь неожиданности. Выход из строя маслопровода – это событие, испытание. В этом не больше негативного, чем в диктанте.

Конечно. Ты прав.

Хочешь знать, что негативное на самом деле, Джейми? Вот, пожалуйста:

«Я болен».

«Я в тупике».

«Я онемел».

«Я боюсь».

«Я отделен от своего высшего Я».

Негатив – испытание, негатив – это то, что получаешь, его не выдержав.

Почему бы не принять установку «Никаких Испытаний», спросил пилот, не настроиться на благополучный полет?

И вовсе ты не хочешь знать почему.

Почему?

Потому что тебе нравятся испытания, нравится проверять себя.

Пилот рассмотрел это. Испытания не только для самолетов.

Не только. Любые испытания.

Почему ты так уверен, когда я – нет?

Да потому, что ты только что купился на установку, не уверен, вот почему. Я уверен, потому что не сомневаюсь: все, что я вижу вокруг, – это мои собственные верования. Я знаю, что это так. Я знаю, что я вызываю это на себя, потому что для этого есть важные причины. С твоего разрешения я займу на игровом поле клетку «Уверенность», пока ты не научишься делать это сам.

Спасибо, но...

Но... что? Ты собираешься дать отрицательный ответ в этой графе?

Пилот вовсе не считал себя тугодумом.

– Я же не могу делать это все время, – надувшись, как индюк, процедил он.

Спасибо, но... пожалуй, мне не нужна твоя помощь.

Он почувствовал, что его высшее «я» развеселилось.

Хорошо. Дай знать, когда будет нужна. Пока.

Стало немного одиноко, словно новый друг ушел.

– И вовсе не одиноко! – сказал он вслух. Никуда он не денется, встретимся опять. Как это здорово, когда находишь свои «я» в высших сферах, и они отвечают, когда я зову.

Уверенность, им сыгранная, превратилась в уверенность, которую он *почувствовал*, это был второй случай мгновенного исцеления за день. Что-то изменилось у Джейми Форбса внутри. Все эти разговоры о Гипнотизировании Культурой не были пустой игрой слов. Чем больше он об этом думал, тем больше убеждался, что так оно и есть.

Пусть ответы на любой вопрос приходят ко мне изнутри по возможности в ясной форме, быстро и без задержек.

Самолет под углом пробил верхнюю кромку туманного слоя на высоте четыре тысячи пять, прошмыгнув мимо похожих на попкорн облаков, мечтающих стать огромными тучами. На секунду его тень упала на слой белой мглы, четкий черный силуэт самолета, вокруг невероятно яркий радужный ореол в форме правильного круга.

Ну и ну, подумал пилот. Когда летаешь на самолетах, иногда видишь такое... красота длилась полсекунды, а ты запомнишь ее навсегда. Вот это жизнь!

Слово на доске, вспомнил он, надо же, слово из его сна. Он задумался? Почему слово «жизнь» осталось, а остальные стерли?

Хочешь, чтобы мы тебе сказали? Привет еще раз.

Ты хотел знать, что на свете реально, помнишь?

Поскольку все остальное – установки и видимость – да, я хотел.

Ага. Жизнь? *Жизнь* реальна?

Высота пять тысяч пять, он переместил мыслеформу регулятора шага винта на снижение, и вера в обороты упала с 2700 до 2400, согласно показаниям иллюзорного тахометра. Нельзя полагаться на зрение, слух или осязание, чтобы постичь Реальность, они часть моего транс.

И все же я знаю, что живу. Это реально. *Я есть.*

Это всегда было, пришел шепот. И всегда будет.

Несмотря на эфемерность пространства-времени с его сейчас-ты-видишь-а-теперь-нет, подумал он, несмотря на все его установки обманы предположения убеждения, несмотря на все его теории и законы и притворство, будто мы те, кем не являемся, – прямоходящие на остывающей корке расплавленного камня сферической формы, одной из дюжины планет, крутящих свою вечную спираль вокруг непрекращающегося ядерного взрыва в шутихе галактики, части фейерверка Вселенной; за этой маской скрыта *Жизнь* – бесконечный, вечный, никогда не рожденный и никогда не умирающий принцип, и мое настоящее Я не с умирающими огнями, а с *Ней!*

Мы здесь, с нашей маленькой верой в свой дом; древние пришельцы с их верой в звездные цивилизации; духовные создания из верований о жизни после смерти и мечтаний о других измерениях; в сущности, все мы играем с символами, каждый из нас искра и вспышка бессмертного Реального.

Он сам себе удивился. О чем это я думаю? Откуда я знаю все эти вещи?

Это потому, что ты летаешь, Джейми...

Да брось ты! Не может быть...

...и потому, что, как и у всех, это у тебя внутри; ты всегда это знал. Просто решил об

этом вспомнить, сейчас.

Это тебя забавляет?

Создавать миры? Да, это забавно, правда, если делаешь это хорошо. Как ты... как мы все это узнаем, когда поймем, что создаем миры каждой установкой, образом, утверждением, подтверждением...

И я узнаю?

Обратного пути нет, если, конечно, тебе отчаянно не захочется поскучать.

Пилот балансировал на грани понимания: вот-вот ему откроется нечто, о чем он хотел знать всю свою жизнь.

Скажи прямо, думал он, скажи, на правильном ли я пути. Мы ходим вокруг да около, придумываем сюжет, который забавно было бы прожить...

Мы «не ходим вокруг да около». С чего ты это взял?

...мы воображаем свой сюжет и представляем, что мы актеры, которые могут этот сюжет сыграть.

Нам не нужны никакие сюжеты, сказала его другое «я». Ну да ладно. Продолжай.

Сначала мы создаем себя из воображения, установок и идей, а затем притягиваемся в среду, где полно народу находится в том же трансе, в каком мы сами хотим быть.

Я буду помнить, что создал этот мир, что я могу изменить и улучшить его при помощи собственной установки, когда захочу.

Мы можем развить наш сюжет в любом направлении в любую минуту, но наша вера в пространство-время – наш наркотик, наша сцена, и вскоре, забыв, что мы можем все изменить, начинаем жить в несозидательном трансе вместо созидательного.

«Созидательный транс». Неплохо сказано.

У нас нет тела, мы постоянно его придумываем. Мы становимся тем человеком, какого постоянно себе внушаем, больным или здоровым, счастливым или отчаявшимся, бездумным или гениальным.

Он замолчал, ожидая отклика. Тишина.

Эй?

Я слушаю. Продолжай.

Пожалуй, все. Пока я остановился на этом.

Это не совсем твой уровень. Ты вышел за эти пределы. Но ты думаешь, будто ты там, и это нормально. Я правильно тебя понимаю, дорогой смертный? Ты только что обнаружил свои покрытые синими перьями крылья, которые были у тебя всегда, внутри, твои мечты о полете. Ты стоишь на утесе высотой в милю, наклоняешься вперед, без страха, расправляешь крылья, в эту секунду теряешь равновесие на земле, надеясь обрести его в воздухе. Так?

Так! Обрести равновесие в воздухе!

Отлично.

Это было единственное слово, которое Джейми Форбс услышал от своего высшего «я» в тот раз. Все это время он слушал только то, что говорил сам.

Глава двадцать четвертая

Когда в тот день первая капля дождя первой грозы упала на землю, Т-34 приземлился, был заправлен и бережно доставлен в ангар. Пилот поехал домой под дождем, на время забыв о полетах, предвкушая вечер, который он сможет наконец провести с Кэтрин. Столько нужно ей рассказать, столько услышать от нее в ответ.

Весь следующий день он посвятил пересмотру всего, что случилось с ним за время этого путешествия, вновь переживая полеты, оживляя в памяти внутренние диалоги и идеи, пытаясь передать все это на бумаге, по возможности ничего не упустив, слово в слово. Получилось около семидесяти страниц, рукописных.

Ученики ждали, терпеливые, как кондоры.

– Что ты предпримешь, – спросил он во время следующего тренировочного полета на маленькой *Сессне* с Паоло Кастелли, – если заклинит руль направления?

– Буду держать курс элеронами.

– Покажи.

Затем:

– Хорошо, а если элероны застопорит?

– То есть теперь заклинило и руль, и элероны, сэр, или только элероны?

– И то и то, одновременно. Я вывожу из строя руль, а теперь и элероны, ты не можешь ими пользоваться.

Долгое молчание.

– Такого не может случиться.

– А со мной вот случилось. Ящик с инструментами оказался задвинут под педали, а рукав детской курточки, которая прицепилась на земле, втянуло в проводку управления элеронами. Вот так я и узнал то, чему сейчас собираюсь тебя научить.

– Не знаю.

– Дверцы, Паоло. Открой дверцы и смотри, что получится.

Ученик открыл дверцу, сражаясь с сильным потоком ветра снаружи.

– Боже правый! Самолет разворачивается!

– Вот именно. Дай-ка мне этой дверцей левый поворот на девяносто, а потом другой направо. Только дверцей.

Ближе к концу урока еще вопрос:

– А что будешь делать, если заклинит руль направления, и руль высоты, и элероны, и триммер, все приборы выйдут из строя и вся радиосвязь, а сектор газа заклинит в положении максимум?

– Тогда... тогда... я использую дверцы, а двигателем буду управлять с помощью регулятора смеси.

– Покажи.

Ученикам не просто давались эти уроки, но, перешагнув страх, они затем уходили с верой в себя и вскоре приходили еще – чтобы узнать больше.

На высоте две тысячи футов Форбс подбирает ручку газа до холостого хода.

– Мисс Каветт, мотор только что опять заглох. Где будете садиться?

Ученица расслабилась, это была ее пятая учебная вынужденная посадка. Все знакомо: инструктор убирал мощность, ученица находит поле поровнее и делает заход, будто под ней взлетно-посадочная полоса. Тот видит, все идет как надо, и опять врубает газ, *Сессна* набирает высоту.

В этот раз было иначе.

– Вы собираетесь садиться здесь?

– Да, сэр, – сказала она. – На коричневом поле рядом с проселочной дорогой.

– Собираетесь приземляться при боковом ветре поперек пахоты?

– Нет. Против ветра, вдоль борозд.

– Уверены, что сможете?

– Да, сэр. Смогу, это просто.

Форбс вытягивает до отказа регулятор смеси. Обороты падают от холостого хода до нуля, винт вибрирует, останавливаясь. Лишь мягкий свист ветра в тишине, и самолет, секунду-две подумав, ныряет носом вниз. Не самолет, вернее, а уже планер.

– Простите, сэр, вы только что...

– Да. Покажите мне, мисс Каветт, вашу лучшую посадку на этом поле.

Джейми Форбс всегда думал, что он специалист по обучению действиям в экстремальных ситуациях, какого начинающий пилот редко где найдет. Теперь он понял, что это было нечто иное.

Я не учу, понял он. Я даю установку, и ученики учатся сами.

Я предлагаю идеи. Почему не попробовать управлять полетом дверцами кабины, когда все откажет? Почему не попробовать управлять самолетом по интуиции, а не по приборам? Почему не попробовать сесть на том поле, выбраться из самолета и не попрыгать радостно на сене, убедившись, что голая земля ничем не хуже взлетно-посадочной полосы, когда приходится делать вынужденную посадку?

Кто это сказал?

– Да вы не инструктор, вы гипнотизер!

Мария! В ту же секунду он был в небе над Вайомингом.

Я на краю гибели, а он спрашивает меня про торт? Мне достался чокнутый спасатель?

Именно Мария Очоа, та, что воспользовалась *совпадением*, чтобы спасти свою жизнь и изменить мою, показала мне, как устроен мир пространства-времени. Ведь тот гипноз не был просто двадцатиминутной помощью, которую я ей оказал. То был дар с ее стороны, который изменил меня навсегда.

Дорогая Мария, думал он, где бы ты сейчас ни была, твой дар со мной, и я передам его другим.

Время от времени он получал письмо, телефонный звонок, электронное сообщение от своего ученика:

«...и когда мотор бабахнул, я сразу отрубил подачу топлива, смесь, шаг винта на снижение, и тут (клянусь!) ваш голос рядом: „Покажи-ка мне свою лучшую посадку, мистер Блейн, на то пастбище с коровами“. Масло по всему лобовому стеклу, мистер Форбс, и я захожу на посадку со скольжением, чтобы видеть землю через боковое окно. Пришлось активнее поработать педалями. И ни царапинки, представляете! Это была моя самая мягкая посадка! Спасибо вам огромное».

Он хранил эти письма.

Я глубоко благодарен за родительскую заботу и руководство в моем путешествии.

Было серое утро, высота полета ноль, видимость ноль. Туман. Он сидел за своим компьютером, выписывал чек за аренду ангара (*У меня всегда будет то, что необходимо, чтобы стать тем, кем я захочу стать*), когда зазвонил телефон.

– Алло, – сказал он.

В трубке женский голос, немного взволнованный.

– Мне... мне нужен мистер Джейми Форбс.

– Вы его нашли.

– Вы летчик-инструктор?

– Да, я летчик-инструктор. Но рекламу никуда не помещал. Вы позвонили по номеру, не внесенному в телефонную книгу.

Она будто не слышит.

– Я хочу летать. Вы можете меня научить?

– Простите, мэм, – сказал он, – я не даю уроков начинающим. Как вы нашли мой номер телефона?

– На задней обложке журнала по авиации. Кто-то написал фломастером ваше имя, ваш телефон и слова «Отличный инструктор!».

– Приятно слышать. Но я учу вещам, которые обычно изучают после получения лицензии. Гидропланы, самолеты с хвостовым колесом, высший пилотаж. Вокруг полно летных школ, а если вам позже понадобятся дополнительные уроки, позвоните, и тогда мы с вами это обсудим.

– Не вешайте трубку!

– Я и не собирался, – сказал он, – пока вы сами не попрощаетесь.

– Я быстро учусь. У меня есть опыт.

– Это другое дело, – сказал он. – Что такое скольжение на крыло?

– Это такой маневр, довольно странный, – голос повеселел, она явно была рада тесту, – когда ручкой кренишь самолет в одну сторону, а педаль даешь противоположную. Скольжение позволяет удержать машину от сноса при посадке с боковым ветром, и это единственный способ идти прямо, когда сдувает с полосы.

– Неплохое определение. – Он ожидал определение из учебника: «способ снизить высоту без набора скорости» и т. п. (что лишь отчасти справедливо по отношению к этому маневру).

– Я всегда хотела летать. Как и моя мама. Мы хотели учиться вместе, но она... умерла, не успев.

– Сочувствую.

Им бы понравилось учиться вместе, подумал он.

– Я разговаривала... во сне с мамой, вчера. Она сказала, я могу учиться за нас обеих, она будет летать со мной. А сегодня утром нашла в тележке продуктового магазина этот журнал с вашим телефоном. Словно... Я знаю, вы иногда берете начинающих, да? Почти никогда? Тщательно выбираете? Те, кто учится за двоих, учатся вдвое усерднее?

Он улыбнулся, услышав эти слова. Ну что ему стоит, подумал он. У нее правильный настрой, это точно. *Отношение, выбор, желание, чтобы это сбылось.*

Они проговорили минуту, назначили время встречи.

– Мама говорила, что инструктора надо выбирать по цвету волос, – сказала она радостно, успокоившись. – Знаю, это глупо, но у вас ведь седые волосы, правда?

– Со всей скромностью, – сказал он, – признаюсь, это правда. Кстати, можно спросить, как ваше имя?

– Простите, – сказала она, – я, наверное, слишком увлеклась. Меня зовут Дженнифер Блэк-О'Хара. Друзья зовут меня Дженнифи.

Когда разговор был закончен, плюс семь секунд, чтобы оправиться от шока, вызванного ее

именем, он написал аккуратными буквами дрожащей рукой в свой полетный график:

◆ Пусть *совпадение* поможет мне встретиться с теми, у кого есть урок для меня и для кого у меня есть урок тоже.

Он не сказал ей этого, но подумал: похоже, дочь гипнотизера сдаст экзамен и действительно легко научится летать. Что они вместе научатся – Дженнифи и Ди, ее мать, обе.

Конец

Маршрут Джейми Форбса

МАРШРУТ ДЖЕЙМИ ФОРБСА

Сиэтл (Вашингтон) → Твин-Фолс (Айдахо) → Шайенн (Вайоминг) → Норд-Платт (Небраска) → Понка-Сити (Оклахома) → Пайн-Блафф (Арканзас) → Мэджи (Миссисипи) → Марианна (Флорида) → Кросс-Сити (Флорида).

notes

Тандемная кабина – расположение сидений одно за другим. – *Прим. редактора-консультанта.*

Cessna-182 Skylane – одномоторный четырёхместный самолёт-высокоплан с
неубирающимся шасси. – *Прим. редактора-консультанта.*

Pratt – городок справа по маршруту Форбса, штат Канзас. – *Прим. перев.*

Globe/Temco Swift – легкий моноплан, выпускавшийся в первое послевоенное десятилетие. – *Прим. перев.*

Nevil Shute Norway (1899–1960) – английский писатель и авиаинженер, один из любимых авторов Ричарда Баха. – Прим. перев.

Winston's *Encyclopedia of Stage Entertainers*.

Один из самых авторитетных таблоидов, посвященных театру и кино, основан в 1905 г. –
Прим. перев.

Перефразировка текста, который священник говорит молодоженам перед алтарем. – *Прим. ред.*

Фонарем называется остеклённый колпак, которым закрыта кабина. – *Прим. перев.*

Точности ради отметим, что город Grove Hill расположен в штате Алабама. – *Прим. ред.*

Charles Lindbergh (1902–1974) – американский летчик, впервые совершивший в 1927 году одиночный беспосадочный трансатлантический перелет. – *Прим. ред.*

Curtiss JN-4 «Jenny» – один из самых популярных американских бипланов начала XX века. Выпускался фирмой «Кертисс» с 1915 года. – *Прим. ред.*

Ryan M-2 – довоенный самолет производства одноименной фирмы. – *Прим. ред.*

Spirit of Saint Louis – имя, которое Линдберг дал созданному по его заказу моноплану. –
Прим. ред.

Американская пинта – 0,473 л. – *Прим. ред*

Руление (рулежка) – термин, обозначающий передвижение воздушного судна по земле. –
Прим. ред.